

K/X

«LE MESSENGER» «THE MESSENGER»

ВЕСТНИК

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО
ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

PERIODIQUE TRIMESTRIEL

ПАРИЖ—НЬЮ-ИОРК

№ 41

II—1956

Русское Студенческое Христианское Движение за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечения к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Движение стремится привлечь верующую молодежь к активному участию в жизни Православной Церкви и исповедует, что правда Христова должна осуществляться как в личной, так и в общественной жизни.

ОТ РЕДАКЦИИ

ПУТИ РОССИИ

Будущее России все еще закрыто от нас. Те сдвиги, которые произошли в ней за последнее время, — только симптомы приближающегося ее освобождения, но не больше. Свободы в России также нет сейчас, как не было ее все сорок лет советского насилия.

Никто не знает, как и когда придет для России час ее освобождения и какой будет Россия, когда спадут ее тяжкие оковы. Но в одно мы твердо верим, одно мы знаем: свобода принесет России расцвет ее творческих сил лишь в том случае, если Россия свою свободу свяжет с Православием, с его чистым вдохновением и живой преданностью Церкви Христовой. Россия должна, конечно, найти решение своих экономических и социальных задач, ей придется разрешить трудную проблему ее многонационального состава, но не менее, а более, ей нужно религиозное обновление, которое выведет ее на путь религиозного построения всей культуры.

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
"РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2 2
4001352
815110-73

ПОХВАЛА СВ. АПОСТОЛУ ПАВЛУ

Слово 36-е св. Иоанна Златоуста

... Мое сердце возбуждает во мне желание поставить Павла пред лицом всех, — Павла, который потрудился более всех остальных, о котором сам Христос говорит: «... он есть мой избранный сосуд...» (Деян. 9-15). Когда началась проповедь, он опустошал церковь, врываясь в дома, влача мужей и жен. Но в то время, как он приближался к Дамаску, его внезапно осенил свет, и он ослеп. Но ослепление его сделалось просвещением вселенной. Так как видимое представлялось ему дурным, Бог, чтобы он мог видеть это в правильном виде, ко благу ослепил его, являя вместе и собственное Свое могущество, и предуказывая способ проповеди, — именно, что следует везде следовать за Ним, оставив все свое и закрыв глаза. Указывая именно на это, Павел и воскликнул: «если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым» (1 Кор. 3-18). Не может кто-либо смотреть правильно, если он не ослеплен прежде к своему благу, если не отбросил смущающие его мысли и не доверился во всем своей вере. Но пусть никто, слыша это, не подумает, что это призвание было вынужденным. Он снова мог вернуться туда, откуда пришел. Многие, видя другие, большие чудеса, опять возвращались в прежнее состояние, в ветхом и новом заветах, например Иуда, Навуходоносор, Елима маг, Симон, Анания, Сапфира, весь иудейский народ. Но не Павел: он, получивши зрение, устремился к нетленному свету и был возвышен до самого неба.

... Откуда же удобнее приступить к его похвалам? Откуда как не с того, чтобы показать сначала, что у него есть блага, собственные всем? Пророки явили что-либо доблестное, или патриархи, или праведники, или апостолы, или мученики, — все это он соединил в себе, притом в таком избытке, в каком никто из них не владеет тем благом, какое у кого есть. Смотри же: Авель принес жертву, и его прославляют за это. Но если ты поставишь на вид жертву любви Павловой, то она окажется настолько же славнее той, насколько небо выше земли. Какая же жертва? Я скажу, если угодно. Он каждый день приносил в жертву себя, и затем приносил двойное приношение, — одно: каждый день умирая, другое: нося мертвость в теле своем. Он постоянно отдавался опасностям, закалал себя по свободному желанию и так умертвил природу тела своего, что пришел в состояние, которое ничем не уступает состоянию заколотых жертвенных животных и даже гораздо выше его. Он приносил не быков и овец, но самого себя

он закалал дважды в день. Поэтому он и имел смелость сказать: «... я уже становлюсь жертвою...» (2 Тим. 4-6), назвав возлиянием собственную кровь. Он, однако, не удовольствовался этими жертвами, но так как справедливо считал себя жертвой, то он пронес ее по всему миру, по суше и по морю, в Элладе и среди варваров, одним словом, во всех поселениях; он появлялся не просто путешествуя, но вырывая терние греха, сея слово благочестия, изгоняя заблуждение, насаждая истину, делая из людей ангелов, и даже более — делая людей из демонов ангелами.

... Я всегда говорю о нем и не перестану никогда говорить, — это то, что никто так не умел, встречаясь с противоположными вещами, с тщательностью удовлетворить той и другой; никто так не умел ни любить настоящей жизни (никто даже из тех, кто горячо привязан к жизни), ни презирать ее (никто даже из тех, кто умирает с восторгом): так он был чист от всякого желания и не увлекался ничем из настоящего, повсюду следовал в своем желании воле Божией! Он то говорил, что жизнь для него нужнее даже, чем быть со Христом и беседовать с Ним, то — что она так тяжка и несносна, что он вздыхает о разрешении и стремится к нему. Он желал только того, что дает ему приобретение, согласное с волей Божией, — желал, хотя бы и случалось, что это противоречит совершившемуся ранее. Он отличался разнообразием и разнокачественностью, не притворяясь — да не будет! — но будучи всем вся, что было необходимо для проповеди и спасения людей, подражая этим своему Господу. Так и Бог являлся в образе человека, когда следовало в нем явиться; являлся некогда и в огне, когда этого требовали обстоятельства; являлся то в виде облеченного в доспехи воина, то в виде старца, то в тихом воздухе, то как путник, то даже как истинный человек — и таковым Он не отказался принять даже смерть. Когда же я говорю: следовало явиться, пусть никто не подумает, что это — необходимость событий; нет, необходимость одного только милосердия. Он восседает то на троне, то на херувимах. Но все это Он делал сообразно целям домостроительства. Поэтому и чрез пророка Он сказал: Я умножил видения и в руках пророческих я уподобился. Так и Павел, подражая своему Господу, не считал для себя бесчестием быть то иудеем, то как бы вне закона. Он то соблюдал закон, то не радел о нем; то прилеплялся к настоящей жизни, то презирал ее; то требовал имущества, то и от данного отказывался; приносил жертвы, остригал волосы и снова анафематствовал делающих это; то обрезывал, то отвергал обрезание. То, что случилось с ним, было противоположно, но намерение и мысль, из

которой это вытекало, были страшно последовательны и верны себе: он одного искал, — спасения слышащих и видящих это.

... Но, чтобы вы выслушали не из наших уст о подвигах блаженного Павла и о доблести, которую он ежедневно показывал ради проповеди благочестия, необходимо выслушать собственные его слова. Когда обманом лжеапостолов он был поставлен в необходимость объяснять свое (учение), он, сказавши многое другое, начал так: «Христовы служители? в безумии говорю: я больше. Я гораздо более был в трудах, безмерно в ранах, более в темницах и многократно при смерти. От Иудеев пять раз дано мне было по сорока ударов без одного; три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в нагоде, кроме посторонних приключений... (2 Кор. 11-23, 28). Сказавши: «кроме посторонних приключений», он намекает, что опущенное может быть больше, чем то, о чем сказано. Затем он говорит: «у меня ежедневное стечение людей, забота о всех церквях» (ст. 28). Видишь широту души? Видишь величие ума? Как солнце, посылая свои лучи, проходит всю землю, — такую заботу и попечение имел блаженный Павел. Поэтому он и говорил: «Кто изнемогает, с кем бы я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?» (2 Кор. 11-29). О, какая любовь у этого мужа! Какое бодрствование! Какое попечение!

... Будем же подражать ему. Ведь он был человек, причастный нам по природе, имеющий и все прочее; но так как он показал великую любовь ко Христу, то он стал выше небес и находится с ангелами. Поэтому, если бы и мы захотели немного возвыситься и возжечь в себе тот огонь, мы можем подражать тому святому. Если бы это было невозможно, он не воскликнул бы: «подражайте мне, как я Христу» (1 Кор. 4-16). Будем же не только удивляться ему и приходить в изумление, но и подражать, чтобы, и когда уйдем отсюда, быть удостоенными видеть его и быть участниками неизреченной славы, которой мы все да сподобимся благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым слава Отцу, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ПРАЗДНИК ПЯТИДЕСЯТНИЦЫ

Раскрыть все содержание праздника Пятидесятницы в кратком очерке невозможно; можно лишь коснуться некоторых его сторон. В настоящем очерке мы рассмотрим праздник Пятидесятницы, как «Духа пришествие, предложение обещания, и надежды исполнение...». (1-я стихира на малой вечерни на Господи воззвах).

Праздник, который мы называем Пятидесятницей, очень древнего происхождения: он существовал за много столетий до Р. Х. у семитских народностей ближнего востока. Это был земледельческий праздник, праздник окончания жатвы (главным образом жатвы пшеницы — наиболее ценного хлеба), во время которого приносились в жертву Божеству первые плоды нового урожая: новоиспеченный хлеб и мука. Принесение в жертву начатков жатвы — общечеловеческий обычай. В разных видах он существовал у всех народов. Наиболее полное развитие получил праздник у древних евреев, когда они, после долгого времени кочевой и полукочевой жизни, прочно осели в Палестине и занялись земледелием. Называлось это торжество в те древние времена праздником жатвы, первых плодов или начатков жатвы (Исх. 23, 16; 34, 22. Чис. 28, 26 и параллели). День начала жатвы отмечался торжественным принесением в жертву первого снопа (Лев. 23, 10). Это был некий торжественный период, начинавшийся и кончавшийся принесением в жертву Богу первых плодов земледельческого труда, от которых зависела жизнь человека (лен снимали раньше хлебов, но в жертву его не приносили). Праздник Пятидесятницы приурочивался к 7-й седмице после начала жатвы (Втор. 16, 9). Семь седмиц приходилось считать потому, что, по причине климатических условий страны, между началом жатвы в одних областях Палестины и окончанием ее в других, проходило месяца полтора, а то и больше (приблизительно со второй половины апреля по начало июня). К тому же число 7 в еврейской символике было знаком полноты, законченности.

Так как жатва часто начиналась в пасхальное время или близко от него, то постепенно установился обычай отсчитывать 7 седмиц не от подлинного ее начала, а со следующего дня после той субботы, которая приходилась на пасхальную седмицу. Пятидесятый день после этой субботы считался праздником жатвы, и получил со временем наименование «праздника седмиц» (Втор. 16, 10). еще позже — «ашэрэт», что значит торжественное молитвенное собрание (Лев. 23, 21). Евреи эллинского языка, евреи рассеяния, часто называли его «эксодион», т. е. окончание — окон-

чание праздников жатвы и Пасхи; но наибольшее распространение у говоривших на греческом языке получило наименование «Пентэкоствэ» — Пятидесятница, по числу дней.

Предполагают, на основании данных филологии, что торжество это прежде чем получить наименование праздника седмиц, обозначалось словом, имеющим значение «насыщение», «удовлетворение», по причине урожая хлеба, «изобилия плодов земных», обеспечивающих жизнь земледельца. Это был праздник полноты благ, и благодарение за эту полноту*), данную Богом евреям после освобождения их от рабства в Египте и переселения в землю, обещанную во владение еще далеким предкам. Полнота же благ должна распространяться на всех: и униженных, и даже на иноземцев, живущих среди Израиля: «Ибо Господь, Бог ваш, есть Бог богов, Бог великий, сильный и страшный, который не смотрит на лица и не берет даров, который дает суд сироте и вдове, и любит пришельца, и дает ему хлеб и одежду. Любите и вы пришельца; ибо были пришельцами в земле Египетской» (Втор. 10, 17-19). «Господня земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней» (Пс. 23, 1). В своей среде, в своей религиозной общине, Израиль должен был осуществлять те отношения, от которых отошел остальной мир и все беды падали на него, потому что он забывал это.

Учение Ветхого Завета универсально; от конкретно-национального оно восходит до вселенского, и от земного благополучия к жизни духа. (Втор. 8, 3). Израиль до поселения в Палестине жил надеждой на наследование того, что было обещано Аврааму. Но Аврааму же, кроме земли обетованной, было обещано и то, что в семени его благословятся все народы (Быт. 22, 18). После освобождения от рабства, и особенно после плена Вавилонского, израильский народ жил во все нарастающем ожидании Мессии, «который возвестит нам все» (Иоан. 4, 24-25). Хотя большинство иудеев было увлечено мыслью о политическом могуществе мессианского царства, лучшие же из них знали, что пришествие Мессии несет прежде всего прощение грехов (сравн. Иоан. 1, 19-25) и общение с Духом Божиим, (как бы неопределенно не было понимание Духа Божия) (Иоан. 3, 1-10).

Но не один Израиль, в лице своих лучших представителей, ждал искупления и божественной благодати. Этого же жаждало и

*) Память Синайского законодательства была присоединена ко дню Пятидесятницы уже после Р.Х., вероятно за несколько лет до разрушения Иерусалима в 70 г. Ни книги В. Зав., ни Филон, ни Флавий о ней не упоминают, и Пятидесятница выступает везде, как праздник земледельческий в своей основе.

все человечество, что очень ярко выражалось в мистериальных культах, через которое искали приобщения к жизни божества, божества не далекого и бесстрастного, а самого прошедшего через страдания и смерть, чтобы снова обрести жизнь. Язычество заблудилось в своих исканиях, искало не там, где надо, но основа искания, жажда искупления и благодати, обновляющей жизнь, была подлинной религиозной основой; поэтому язычество и откликнулось на проповедь христианства: «Процвела есть пустыня, яко крин, Господи, языческая неплодящая церковь пришествием Твоим, в ней же утверди мое сердце» (Канон воскресный 2-го гласа, ирмос 3-й песни. Сравн. Ис. 2, 2-3).

Человеку дано было больше, чем он мог ожидать. «Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына своего Единородного, который родился от жены, подчинился закону, чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление. А как вы сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына своего вопиющего: Авва, Отче» (Галат. 4, 4-6). «При окончании дня Пятидесятницы... явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого». (Д. А. 2, 1 и след.). Праздник новозаветной Пятидесятницы есть праздник полноты благодати, праздник сошествия и действия в мире Святого Духа, связующего верующих в то органическое единое, в котором «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба свободного но все и во всем Христос» (Кол. 3, 11), — в Церковь, — и подающего залог, начаток вечной жизни. «Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса живет в вас, то воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас... Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 11-17).

Праздник Пятидесятницы обращен не только к прошлому, к памяти сошествия Св. Духа, как завершения земного подвига Спасителя, но и к настоящему и к будущему. Действование Св. Духа, продолжающего и ведущего к завершению совершенное Христом искупление, встречается с человеческой свободой. Благодать Св. Духа дана, она в мире: «кто жаждет, прииди ко Мне и пей», но ее надо принять: «отныне Царствие Божие силою берется» (Мф. 11, 12), человек должен из самой глубины своего существа сказать: «прииди и вселися в ны». «Се стою у двери и стучу: если кто услышит голос мой и открит дверь, войду к нему и буду с ним вечерять, и он со Мною» (Откр. 3, 20). Это говорится не

только об одном Иисусе Христе, но и о Духе Святом, потому, что «кто Духа Христова не имеет, тот и не Его» (Рим. 8, 9). Мир должен быть полностью проникнут Духом Святым, Духом усыновления, должен созреть до той таинственной «полноты времени», которая неизвестна никому, кроме Отца (Мф. 24, 36; Мк. 13, 32).

Праздник новозаветной Пятидесятницы есть праздник христианской надежды, праздник общения с Духом Усыновления, который «пребудет с нами во век» (Иоан. 14, 16) и приведет в конце к свободе славы детей Божиих, когда Бог будет «все во всем».

Н. О.

О ЕВХАРИСТИИ *)

II.

Евхаристическая практика в древнем Христианстве и в современном Православии

После всего нами сказанного в предыдущей статье о природе таинства Евхаристии в святоотеческом Предании, неизбежно возникает вопрос: какова была в те времена евхаристическая практика и что стало с ней в наше время? Как известно, в ранние годы, когда у всех верных было одно горящее сердце, имелось и **единое воскресное** собрание «всех в одно и то же место для одного и того же», как сжато и точно выражается о. Н. Афанасьев в своей очень значительной книге «Трапеза Господня» (см. Православие и Современность 2-3 1952). Иначе и быть не могло для эсхатологического христианства, которое жило в чаянии и ожидании второго пришествия (парусии). Само евхаристическое собрание, возглавляемое всегда епископом, как приносящим Дары от лица народа, совершенно естественно и реально **совпадало** с Трапезой Господней, т. е. с Тайной Вечерей и было памятованием искупительной смерти Христа Иисуса и славного Его Воскресения.

*) Редакция печатает глубокую и интересную статью М. Лот-Бородиной, при всей спорности некоторых ее мыслей, в виду исключительной важности вопросов, ею поднимаемых.

На этом собрании, зародыше будущей литургии, на котором совершалось преломление хлеба и благословение чаши, были только причащающиеся¹⁾. О. Н. Афанасьев подчеркивает с большой силой этот факт, выявляющий сущность данного собрания, «где **все** были участниками», и вместе с тем указывает на основное отличие его от позднейшего евхаристического чина. Тогда не причащались лишь оглашенные, уходившие после краткого **«си-наксиса»** (первая молитвенная часть службы синагогального происхождения) и епископской проповеди. Индивидуальный отказ от участия в жертвенном приношении был просто немислим, равняясь добровольному отлучению от Церкви. Иначе говоря, принятие св. Даров было и публичным актом **исповедания** веры и личным свидетельством принадлежности каждого члена собрания единому Христову Телу. Таков был, напоминает автор «Трапезы Господней», закон церковной жизни «оставшийся неизменным в течение всего доникейского периода». С обращением в христианство Римской Империи положение начало меняться и притом с необычайной быстротой, по мере того, как размножалось число молитвенных — уже не только домашних — собраний, но и настоящих храмов; служение в них принимало все более сложные и торжественные формы²⁾. Несмотря на строгие правила, даже угрозы поместных соборов, многие уходят до окончания литургии, тем самым лишая себя возможности принять св. Тайны. Борьба церковных властей, упорная и длительная, оказалась бессильной: количество **«только присутствующих»** все увеличивалось и скоро наступил момент, когда оно стало **преобладающим**. Древний исконный евхаристический завет исчезает, умирает... Момент тем более драматический, что он совпадает с расцветом всех духовных достижений Церкви, т. е. с эпохой Вселенских Соборов и «кафолического» Символа веры. Несмотря на то, что установленные правила и запреты никогда не были отменены, Церковь больше фактически не реагирует на нарушение. Так новый церковный **быт** заменил в эмпирическом плане былую реальную действительность. О причинах этого прискорбного явления мы скажем дальше, но вне всякого сомнения, они более глубоки, чем это кажется на первый взгляд.

1) См. Прот. Афанасьев: «Трапеза Господня». Стр. 33. Необходимо внимательно вчитаться в эту последнюю, для нас существенную главу этой строго объективной, даже бесстрастной книги, чтобы до конца осмыслить перемены в евхаристическом сознании современного Православия.

2) Можно смело утверждать, что чувство священной Тайны, особо присущее восточной литургии, родилось именно с торжеством Византии, наложив на нее неэнгадимую печать.

Поучительна и знаменательна здесь бесплодность всех назиданий и увещаний великих Учителей в золотой 4-й век, тщетно пытавшихся внушить, или скорее вернуть мирянам утраченное ими евхаристическое сознание. Так св. Василий Великий открыто заявляет о необходимости причащаться по крайней мере 4 раза в неделю, не считая больших праздников³⁾. Вдохновенный проповедник, св. Иоанн Златоуст, с высоты епископской кафедры упрекает свою паству за нерадение к Евхаристической койнонии. Кассиан Римлянин (начало 5-го века) прямо утверждает, что греки причащаются только один раз в год. То же говорили еще раньше и св. Киприан Карфагенский, настаивающий вместе с св. Григорием Нисским на **ежедневном** причащении, а так же и св. Амвросий Медиоланский. Последний, восставая против обычных возражений и оправданий, твердо заявляет мирянам: «Принимай каждый день то, что приносит тебе пользу на сей день. Живи так, чтобы быть его достойным». И мудрый пастырь многозначительно добавляет: «Тот, кто недостойн принимать (сверхсуший хлеб) ежедневно, не будет достоин и принимать его раз в год». (De Sacramentis, V, 25).

В этих словах вскрывается едва ли не главная **психологическая** причина, по которой верные уклоняются от живоподательного таинства Евхаристии. О. Н. Афанасьев судит об этом слишком исторически и потому недостаточно глубоко. Причина отхода от ранней практики причащения не только в наплыве языческих новообращенных, находившихся на более низком моральном уровне (хотя, конечно, со вступлением Империи Константина в «благополучный» период истории, пыл былого мученического героизма неизбежно должен был остыть); его надо искать в другом направлении, а именно, прежде всего, в быстро растущем благоговении перед церковной святыней с ее *disciplina arcani*, о чем мимоходом упоминает и сам автор **Трапезы Господней**. Так закрытый алтарь, тайные молитвы Анафоры и вся природа византийской ритуальной мистерии сковывали душу великой жутью, испытываемой и донныне... Несомненно первые поколения внутренне испытывали тот трепет перед тем, что известный историк религий, Рудольф Отто, назвал «*das Numinose*». Трепет трудно преодолимый в присутствии тех Тайн, которые сами Отцы и па-

3) Помимо ссылки на творения св. Василия Великого (в русском переводе, Сергиев. Посад, 1892, В. 1), указываемую прот. Афанасьевым, мы находим обсуждение этого вопроса в книге: Prestige, God in Patristic Thought.

стыри велегласно именуют «невыразимыми и ужасающими»⁴⁾. Именно наиболее чуткие и ревностные и смиренные среди христиан того времени должны были переживать особенно интенсивно эти душевно-духовные эмоции, присутствуя на таких «неземных» служениях в незримом окружении бесплотных сил. И это подлинное чувство страха в сердцах не могло не удалять верующих от слишком частого подхода к св. Дарам.

Одновременно и в полном соответствии с рожденным в храме сакрализмом шел другой параллельный процесс: развитие (под влиянием столь значительного на Востоке монашества) самого таинства покаяния. Не белое, а черное духовенство, обладавшее исключительным опытом и даром духовного руководства, создало это «искусство из искусств». Корни его восходят к пустыням Египта, Сирии и Палестины с первым появлением в них бежавших от мирской суеты отшельников (преп. Антоний): оно расцвело позднее в киновиях монастырских центров. Туда, как известно, хлынули народные волны. Ибо в условиях новой городской жизни, полной соблазнов и страстей, не могла не проснуться тяга к внутреннему очищению, и потребность к покаянию, как снятие слишком тяжелого бремени с многогрешной души.

В первые века власть «вязать и разрешать» данная Христом апостолам и, следовательно, их преемникам, носила для членов христианской общины характер **публичного** (иногда и частного) **покаяния** перед лицом Церкви. Последняя налагала в лице епископов и пресвитеров соответствующие кары — **эпитимии**, в слишком тяжелых случаях, временно отлучала виновного и обличенного брата. То были вспомогательные средства для возврата заблудшихся на путь истины и церковного общения. Позднее и все чаще и чаще загрязненная человеческая совесть стала властно требовать периодического очищения в **личной** исповеди. А с чувством своего недостойнства, как естественно присущего нашей падшей природе, возрастала в душах, все сильнее и сильнее, боязнь перед возможным принятием св. Тайн «во осуждение»⁵⁾. Мало-помалу и церковная иерархия, проникнутая в свою очередь, настороженным чувством ответственности, стала поощрять прояв-

4) Как известно, мы находим то же выражение «страшные Тайны» среди многочисленных евхаристических эпитетов и в наших церковных молитвах.

5) Не следует, однако, забывать (это напоминает и о. Н. Афанасьев), что такое «недостойное» причащение по ап. Павлу относится вовсе не к моральному состоянию причастника, а к тому, что он «ест и пьет Тело Господне», не рассуждая о Нем (Кор. 11, 29). Корректив существенный.

ления страха, мешавшего верным подходить к евхаристии. Светлый Лик кроткого, милосердного Спасителя, заслонялся образом всемогущего Пантократора и грозного судьи⁶⁾. Таинство покаяния становится постепенно абсолютной необходимостью, непременным условием для причащения верных, как бы сражается с Евхаристией, несмотря на то, что, по существу, оно не однородно с ним.

И вот сугубый страх — *phobos*, а не только благоговение — настолько пересиливает вожделенное стремление к Тайне соединения с Господом, что христиане уже забыли о заветах первоапостольской общины и не смеют подходить к Чаше вечной жизни. Позабыли они и слово любимого ученика о «совершенной любви, изгоняющей страх» (I Посл. Ио. 4; 18) и не помнят больше того, что «мы получили не духа боязни, а духа силы, веры и целомудрия» (II Тимоф. 1, 7).

Когда же исповедь стала, увы, **обязательной** перед причащением, не только новая преграда выросла между христианским сердцем и его усыновившим Спасителем, но и само таинство покаяния потерпело великий ущерб, превратясь из автономного добровольного акта в некое обязательство. Как верно и остро замечает о. Н. Афанасьев, «современная практика исповеди перед причащением придала таинству покаяния почти магический характер; отпущение грехов необходимо, чтобы после причастия, вновь их повторять» (стр. 82). Получается действительно весьма двусмысленная тавтология. Но виноваты ли в этом сами миряне? Вот вопрос, на который ответить весьма нелегко и который является узловым. Помимо того, неотделимость причастия от исповеди и *vice-versa* имеют еще другой серьезный недостаток для последней, а именно, практическая невозможность вольно и непосредственно идти в «лечебницу», как только в ней ощущается внутренняя потребность. Особенно болезненно это проявлялось в российской синодальной Церкви, когда исповедь вообще приурочивалась к обязательному «говению» и на Страстной в приходских храмах стояли «у ширм» хвосты ожидающих очереди, располагая в лучшем случае пятью минутами для исцеления душевных язв. Даже в несравненно более нормальной атмосфере новых течений **оцерковления** жизни таинство покаяния редко стоит на

⁶⁾ В иконографической эволюции образа Христа — от «Доброго Пастыря» (в мозаиках Равенны) до Самодержца византийских куполов, поучителен факт прямого влияния культа василевса на новое изображение Сына Божия. (Об этом см. монографию А. Грабаря *L'Empereur dans l'art byzantin*).

желательной высоте, при частом отказе наших духовников быть постоянными «врачующими» **водителями** своих стад.

Что же касается большого вопроса о степени достоинства причастников, мы всецело присоединяемся к выше приведенному мудрому суждению св. Киприана Карфагенского. Протоиерей Н. Афанасьев также констатирует, хотя, как мы видели, по иной причине, ошибочность морального аргумента, который, увы, был возведен самой иерархией в абсолютный принцип⁷⁾.

Однако, наше расхождение (с о. Н. Афанасьевым) лежит в другой плоскости: в его сознательном игнорировании **личного** элемента субъективного подхода к божественным Тайнам. Он, конечно, не отрицает «частного благочестия», но, как иерей, сам поглощен **исключительно** еkkлезиальной тематикой. Нам, мирянам, такое равнодушное отношение кажется несправедливым с христианской точки зрения. Нельзя винить всегда во всем «индивидуализм», т. е. эгоцентризм. На самом деле речь идет о живом ядре **персонализма**, имеющего полное право выступать и проявляться в жизни Церкви, ибо на нем зиждется религиозный опыт каждого единичного члена Христова Тела и именно этот опыт Евангелие внесло в до-христианский мир. С ним, прежде всего, неразрывно связана вся православная антропология, как учение о создании человека по образу и подобию **личного** Бога. Это проповедывал и словом и делом Сам Господь, недостижимо идеальный образец обоженной человечности. Христос **всегда** обращается к **личности**, говорит с каждым на собственном его языке, любовно печется о временной и о невременной судьбе своих братьев и детей. Ведь **имена** Им любимых «написаны» по слову Спасителя, «на небесах», и в Апокалипсисе дается каждому на белом камне начертанное настоящее имя. Оба, и возлюбленный ученик Его и Им избранный на пути в Дамаск апостол, обещают нам за порогом Царствия встречу «лицом к лицу».

Сама святая Православная Церковь причащает каждого из нас под земным его именем в ожидании нового небесного. Наконец и в Иисусовой молитве мы также прославляем **человеческое личное** имя Сына Божия, Имя, в котором заключена особая таинственная сила. И недаром св. Григорий Палама называет благодать **тысячеипостасной**, как направляющей свои нетварные лучи

⁷⁾ Правда ныне многие священники соглашаются на некоторый компромисс, возлагая епитрахиль с разрешительной молитвой на тех, кому они лично доверяют. Но ведь эта так называемая «немая исповедь» неприемлема, так как «свидетель» не может отпускать ему неизвестные прегрешения.

по разному на одухотворенные ее сиянием живые лица. Нельзя поэтому из-за дивного леса Экклезии, не видеть деревьев, разнородных, но равно зеленеющих и по своему шумящих под эфирным куполом единого неба.

Пусть несомненно и существенно то, что подразумевает автор **Трапезы Господней**, как иерей и как христианский историк, а именно: **вселенский облик грядущего Царства**, «всеединство» Нового Израиля, согласно завету первосвященнической молитвы Сына Божьего уходящего из мира: «Да будут все едино, как Ты, Отче, во мне и я в Тебе» (Иоанн 18, 21), но все же даже в едином преображенном организме Церкви, **человеческие лики, как таковые, сохраняются навеки**. Вся эта таинственная христианская антиномия, где чудесно скрещиваются две восходящие параллельные линии, разрешается лишь в ином плане, в ином измерении. Подобно тому, как в лоне «единосущной и нераздельной Троицы» живут, сообщаются и тайнодействуют **три божественные Ипостаси**, так и созданное ими, по Их Образу, человечество сочетает в себе онтологическое единство общей **природы** и вместе с тем движимую Духом множественность личных выявлений этой тварной природы. Не коллектив, именуемый соборностью на церковной земле, а богочеловеческий организм — живое Тело Христово — наследует Царство, в котором каждый не обретет, а **восстановит** со своим собственным ему присущим зраком, и свое личное духовное назначение. Прямой путь туда идет в сем веке от и через Христа, таинственно воплощенного в Чаше Любви жертвенной и победившей мир.

Если приобщение св. Тайнам вновь станет живым, объединяющим центром истинного братства «всех вместе» на одном Соборании, цель единого памятования друг о друге будет снова достигнута⁸⁾. А кто же из нас не воздыхает об этом? Но не как о реставрации, а как о подлинном возрождении? Ибо самое ныне жестокое, непереносимое для неокамененных христианских сердец, это лицемерие, как торжественно вынесенную св. Чашу исполненную благодатью, тотчас священнослужитель возвращает обратно в алтарь, а клир от имени верного народа — невозмутимо поет: Видехом Свет истинный, прияхом Духа Небесного. Да не будет! А потому **свободный** доступ в трепетном дерзновении духа пусть будет возвращен нам родной Православной Церковью.

8) И это несомненно может содействовать укреплению **кровной братской связи** между членами одного прихода, столь часто далекими друг от друга.

«Каждый сам себя да испытает» и берет на себя ответственность за то, **что** он ест и пьет и **как** общается с Господом Сил. Вслед за высокими авторитетами Отцов вместе с нынешними и мы повторяем: Евхаристия не есть награда, а норма и закон благодати, истинная пища христианских уст. Но мы прибавим сверх того еще от себя, по разумению нашего собственного духовного опыта: Таинство причащения не только самый высокий sacramентальный акт **исповедания** веры, но и насыщение голодного сердца, но и утоление жаждущего духа, нам дарованного. И надежда и сама вера растворятся в пламенно-чистом дыхании, и никогда не умирающей Любви двух: человеческой души и Христа Богочеловека⁹⁾.

М. Лог-Бородина.

СВЯТОЙ ПРОРОК ИСАИЯ

(Слово о. Георгия Серикова)

— Что это за Праздник 9-го мая? —

Задайте этот вопрос русским людям и все вам скажут, что это «День перенесения мощей святителя Николая Чудотворца». Но кто из русских, православных и весьма «церковных» людей, знает, что в этот же день (9-го мая по старому и 22-го по новому стилю) Православная Церковь празднует память пророка Исаии?!.. Поэтому, бесполезно сказать хоть несколько слов о величайшем из пророков, о том пророке, который больше других цитируется в Новом Завете, книга которого чаще всего читается за богослужением в виде паремий, а за Великий Пост прочитывается вся целиком.

Нет сомнения в том, что пророк Исаия — один из величайших святых Христианской Церкви.

9) Во избежание возможного недоразумения необходимо подчеркнуть, что речь идет здесь не о **сублимации**, но об особом, **неземном** типе любви, а именно, о той **божественной** любви, которая склоняется к человеческой душе не потому, что та достойна ее, а как благодатный дар, сам вдохновляющий на ответное чувство. Жених небесный и земнородная Невеста — лишь в таком нисхождении и соединении совершенная агапа соединяет «двух в одно»: единение, символом, которого и является таинство брака, на что указывает известный текст ап. Павла (Ефес. 6, 32).

Ошибочно было бы думать, что христианские святые, это святые, которые жили после Рождества Христова. Совсем нет! Христианская Церковь почитает святых, независимо от их места и времени рождения. Христос Бог, ведь, был всегда, не только после Своего «сошествия с небес», но и до этого; и приближение к Нему, освящение Им, стяжание святости было возможно человеку всегда, не только в Новом, но и в Ветхом Завете и даже до того, как был заключен у Бога с Авраамом «Завет». Стоит обратить внимание на христианские имена, которые мы носим, чтобы в этом убедиться: святые родители Божией Матери и Иоанна Крестителя, Иоаким и Анна, Захария и Елизавета, святые пророки Даниила, Илия, Моисей, праведный Иов жили до Рождества Христова.

Святые праотцы Господа нашего Иисуса Христа, которых мы в Церкви чтим в недели, предшествующие празднику Рождества Христова — Авраам, Исаак, Иаков, Давид, Соломон... жили до Р. Христова! и не только жили в «надежде на спасение будущее», но, в свое время вели святую жизнь и были святыми настолько, что мы, живущие уже в Новом Завете, молясь на панихидах за наших усопших родственников и друзей, просим о том, чтобы Господь Бог вселил их в «Лно Авраама, Исаака и Иакова».

Христианские имена Адам и Ева возвращают нашу мысль ко временам еще более отдаленным от Рождества Христова. А христианские имена Гавриила и Михаила, Серафима... говорят нам о том, что святость есть и была не только после Рождества Христова, не только в Ветхом Завете, до Завета и в Раю, но даже до создания Богом видимого мира — в мире ангельском, и мы христиане чтим эту святость, — святость вневременную, универсальную, сверхнациональную.

Пророк Исаия есть величайший из пророков почитаемых Христианской Церковью. Мы называем его «вторым Моисеем», а эпоха, в которую он жил — VIII в. до Рождества Христова — мы называем «Веком Исаии». Его святая книга — первейшая и значительнейшая книга из библейских пророчеств — вершина человеческого, богодухновенного творчества. Последние главы книги пр. Исаии мы называем «пятым Евангелием», а их автора — «ветхозаветным Евангелистом».

Как Петра и Павла мы называем «первоверховными апостолами», так Исаию мы называем первоверховным пророком. Никогда еще не говорил ни один пророк столь прекрасным, чистым, сильным, возвышенным и могучим языком!

Это он, Исаия пророк, есть «пророк по преимуществу». Это к нему относятся бессмертные, может быть, лучшие слова не только русской, но и мировой поэзии:

«Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестокрылый серафим
На перепутьи мне явился;
Перстами, легкими как сон,
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершия мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул...
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, Пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею Моей
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!»

(Пушкин. «Пророк»).

Это он, Исаия, есть глас вопиющий: «В пустыне приготовьте пути Господу, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему... и явится Слава Господня, и узрит всякая плоть спасение Божие, ибо уста Господни изрекли это». Это слова Исаии, написанные в 40-й главе его книги (3-5 стихи). Евангелисты повторяют слова эти по отношению к Иоанну Крестителю (Мр. I, 3; Мф. III, 3; Лк III, 4...), да и он сам — Предтеча — относит их к себе (Ио. I, 23), но автор этих слов — Исаия.

Это пророку Исаии в год смерти царя Озии было видение Славы Божией и огненных Серафимов. Об этом видении Исаии мы вспоминаем на каждой литургии, в самый важный момент ее пред

предложением Св. Даров. Вот как об этом написано в 6-й главе книги Исаии:

«Видел я Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном... Вокруг Него стояли серафимы; у каждого из них по шести крыл; двумя закрывал каждый лицо свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал. И зывали они друг ко другу, и говорили: «Свят, свят, свят Господь Саваоф. Вся земля полна Славы Его!» (Ис. VI, 1-3).

Это уст Исаии коснулся один из серафимов горящим углем и попалил все нечистое и «Вложил жало мудрыя змеи». Вот подлинные слова пророчества:

«Тогда прилетел ко мне один из Серафимов, и в руке у него горящий уголь, который он взял клещами с жертвенника, и коснулся уст моих, и сказал: вот это коснулось уст твоих, и беззаконие твое удалило от тебя, и грех твой очищен...» (Ис. VI, 6,).

Исаия, после такого видения, вероятно, «лежал как труп»: «Сказал я, — пишет он, — горе мне! погиб я! ибо я человек с нечестивыми устами, и живу среди народа также с нечистыми устами, — и глаза мои видели Царя, Господа Саваофа!» (5). Но Бог сказал: «Пойди, и скажи этому народу: слухом услышите и не уразумеете; и очами смотреть будете, и не увидите, ибо огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат и очи свои сомкнули, да не узрят очами и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их» (9, 10). Последние слова Исаии полностью повторяет Господь наш Иисус Христос (Мф. XIII, 14; Мр. IV, 12; Лк. XII, 40); а за Ним и апостол Павел (Деян. 28, 26), по отношению к современникам.

В Новом Завете около ста цитат и ссылок на книгу Исаии (самое большое число!). Христос цитировал ее постоянно и указывал на Исаию, как на предсказывавшего о Нем. «Исследуйте Писания, они свидетельствуют о Мне» (Ио. V, 39), — говорил Он своим апостолам. Под «Писаниями» имея в виду, конечно, в первую очередь прор. Исаию.

Иногда Он говорил прямо словами Исаии. Так например, в Назаретской синагоге однажды в субботу Христос взял книгу пророка Исаии, раскрыл ее, нашел место, где было написано: «Дух Господень на Мне; ибо Он помазал Меня благовествовать нищим и послал Меня исцелять сокрушенных сердцем, пропове-

дывать пленным освобождение, слепым прозрение, отпустить измученных на свободу, проповедывать лето Господне благоприятное» (Лк. IV, 16-19). И когда Он, закрыв книгу и отдав служителям, сел, то глаза всех были устремлены на Него. Все поняли, что это Он о Себе говорит словами Исаии, — что Господь и подтвердил, сказав: «ныне исполнилось Писание сие» (Ис. 61, 1-2).

Творчество Исаии необычайно. О чем он только не говорит в своих 66 главах! Он касается всех сторон жизни и все измеряет своим орлиным пророческим взором.

Он — дитя своего времени и верный сын своего родного еврейского народа, который он любит безгранично.

Он понятен и простецам и царям. Это был культурнейший человек эпохи (говорят он был царского происхождения) и с царями он так же прост и непосредственен, как с нищими. Он безжалостно бичует неверие, грехи и пороки своих соотечественников и поистине в евангельском духе и силе, больше всего осуждает лицемерие.

Его осуждение лицемерного, фальшивого благочестия и поста вполне подходит к нам, живущим в XX веке после Рождества Христа.

«Вот, в день поста вашего, говорит Бог, вы исполняете волю вашу и требуете тяжких трудов от других. Вот вы поститесь для ссор и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить других. Вы не поститесь в это время так, чтобы голос ваш был услышан на высоте. Таков ли пост, который Я избрал, — день в который томит человек душу свою, когда гнет голову свою, как тростник и подстилает под себя рубище и пепел? Это ли назовешь постом и днем угодным Господу? Вот пост, который Я избрал: разреши оковы неправды, развяжи узы ярма, и угнетенных отпусти на свободу и расторгни всякое ярмо. Раздели с голодными хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом. Когда увидишь нагого — одень его... тогда откроется как заря, свет твой, и исцеление твое скоро возрастет, и правда твоя пойдет перед тобою, и слава Господня будет сопровождать тебя!..» (Ис. 58, 3-8).

Известны всем слова Исаии о храмовом благочестии, которым прикрывались в свое время все недуховные, лукавые иудеи, и которым прикрываются теперь те христиане, которые думают, что вся религиозная жизнь исчерпывается храмовым благочестием и исполнением церковных обрядов и уставов. Вот огненные слова пророка, сказанные им от имени Божия:

«К чему Мне множество жертв ваших? — говорит Гос-

подь. Я пресыщен всесождениями овнов и туком откормленного скота; и крови тельцов и агнцев и козлов не хочу!..

Не носите больше даров тщетных; курение ладана отвратительно для Меня; двенадцатых праздников и суббот и праздничных собраний не могу терпеть: беззаконие — и празднование! Новомесячия ваши и праздники ваши ненавидит душа Моя; они — бремя для Меня; Мне тяжело нести их. И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу их!»

«Омойтесь, очиститесь, удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенных; защищайте сироту; вступайтесь за вдову; тогда придите и рассудим, говорит Господь». (Ис. 1, 11-18).

Исаия, будучи актуальным и понятным для своего времени, говоря живым, прекрасным языком — его язык лучший в Библии по стилю, красочности, поэтичности, по силе и по контрастам — Исаия перерастает свое время, своих современников, свою нацию, и достигает сверх-национальных, католических, мессианских в полном смысле этого слова высот. Все относившееся к его времени, к его местным событиям, приобретает универсальный, общечеловеческий пророческий смысл. Таковы последние главы его книги, где словами и понятиями, взятыми из истории, говорится о вещах мета-исторических, о мессианском вне-мирном Царстве Божиим.

Исаия, в этом пророческом взлете и вдохновении, говорит не только о том, что было в определенной точке времени и пространства, но говорит о вещах над-временных, вечных, о том, что было, есть и будет. О смирении Христа, «который трости надломленной не переломит и льна курящегося не угасит» (42, 1-2). Так, возвышаясь над временем и над историей, говорит он — (и так понимает его слова Церковь) — о вне-временном заклании и крестной жертве Христа, в знаменитой 53-й главе. Произнесением 7-го и 9-го стиха этой главы начинается Проскомидия на литургии:

«Как овца, веден Он был на заколение, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих... Он предал душу Свою на смерть и к злодеям был причтен. Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем» (Ис. 53, 7, 8, 12).

Так, в мессианском, над-временном духе Исаия говорит о «Деве, которая во чреве примет и родит Сына и наречет Имя Ему Еммануил — с нами Бог» (Ис. VII, 14).

Так он говорит о Младенце — Сыне — «Чудном Советнике», «крепком Боге», «Отце будущего века» и «Князе мира», о Том, Который в свое время, через несколько столетий скажет: «Мир Мой даю вам, мир оставляю вам» (Ио. 14, 27).

Так, окрыленный Духом Святым, Исаия парит над временем и провидит времена, где времени больше не будет, где «волк будет жить вместе с ягнцем» (XI, 6), где люди «перекуют мечи свои на орала и копыя свои — на серпы» (II, 4).

Это словами Исаи орлиноподобный Иоанн в Апокалипсисе называет Христа Альфой и Омегой: «Я — Господь Саваоф, Искушитель Израиля. Я первый и последний и кроме Меня нет Бога» (Ис. 44, 6).

Это Исаия говорит о восстановлении Иерусалима, о восстановлении, которое превышает всякие исторические масштабы: «послушайте Меня, стремящиеся к правде, ищущие Господа» (51, 1). ...«народ, у которого в сердце закон Мой» (51, 7). «Правда Моя пребудет во век и спасение Мое — в роды родов» (8). «Возвратятся, избавленные Господом и придут в Сион с пением, и радость вечная над главою их; они найдут радость и веселие... Я Сам Утешитель ваш...» (11-12).

«Ты, народ Мой! Воспряни, воспряни, восстать Иерусалим!» (17).

«Восстань, светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе воссия!» (60, 1). «Ликуй ныне, и веселися Сионе!» (52, 8).

Эти пасхальные слова, сказаны тоже великим Исаией. Это он — живший в тяжчайших исторических условиях еврейского народа, он страдалец и мученик за правду (вы знаете о его мученической смерти: нечестивый царь Манассия приказал распилить пополам пророка Исаию деревянной пилой) — это он, несмотря на скорбь и тяготы жизни, был проповедником всеобщей радости в Новом Иерусалиме:

Слава Богу за таких людей, как Исаия!

«Да славят Тебя, Господи, все дела Твоя и да благословят Тебя святые Твои!» (Пс. 144, 10).

«Дивен Бог во святых Своих — Бог Израилев!».

Свящ. Георгий Сериков.

1.

Учение о Логосе — о Слове Божиим, имеет огромное значение для нашей веры. Есть основной смысл и основной внутренний закон творения и жизни, как жизни мира, так и жизни человека. Все существующее связано с Ним, существует через Него; «Все через Него начало быть, и без Него ничего не начало быть, что начало быть». Все люди, живущие в мире, сознательно или — гораздо чаще — бессознательно тянутся к этому внутреннему закону жизни, направляются к нему, хотя вместе с тем они еще чаще поворачиваются к нему спиной, и все же они связаны с ним, живут им. Без него прекращается всякий смысл их существования. Пусть этот смысл ими не осознан, пусть он ими нарушается на каждом шагу, но тем не менее им они живут. «В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И Свет во тьме светит, и тьма Его не объяла... Был Свет истинный, просвещающий всякого человека, приходящего в мир».

«Всякого человека, приходящего в мир» — это значит, что нет человека, который как-то не прикоснулся бы к этому Свету — хотя бы в самой глубине души, хотя бы в смутном подсознании своем. И не может быть этот Свет окончательно затушен. «И Свет во тьме светит, и тьма Его не объяла».

Новые горизонты открываются нам через это в мировой истории. Действительно, лучи Логоса Божия, хотя и затемненные и непонятные, коснулись как-то здесь и там ткани человеческой жизни, мелькнули здесь и там среди ужасающей тьмы и зажгли здесь и там ответные искры.

Логос Божий есть основа мироздания. Логос Божий есть внутренний закон жизни мира, есть сила, притягивающая человека и направляющая его и озаряющая его, хотя и смутно, хотя и издали, своими лучами.

Воплощенный Логос Божий, воплощенное Слово Божие есть центр истории мира. К Нему сходятся и от Него расходятся все лучи. В Нем все обетования Божии стали «да и аминь» (2 Кор., 1, 20). В Нем осуществляется план Божий о мире. В Нем действительно конкретно и покоряющим, решающим образом раскрылась и вошла в мир воплощенная Любовь Божия — эта основа, этот основоположный закон и как бы «фон» бытия всего мира.

2.

Логос Божий, Слово Божие, как основа творения.

Мы стоим перед загадкой движущегося в нас и со всех сторон движущегося вокруг нас, мчущегося, уходящего в небытие, и вместе с тем продолжающего существовать мира, полного смерти, разрушения, борьбы. И, вместе с тем, ощущается и познается нами — хотя и в весьма несовершенной степени — стройная, сложная раскрывающаяся нам во все новых и новых захватывающих горизонтах, структура мира. В этой структуре мира есть огромное величие — в этих круговых вращениях электронов, в этом огромном напряжении и устремлении сил, из взаимодействия которых рождается то, что мы называем материей, — есть не только захватывающий зов глубин, уходящих в бесконечность, но и красота и плановность, поражающие наш ум. Мы начинаем понимать слова Мудрости, лежащей в основе мироздания, подобно тому, как эту же Премудрость разумел автор книги Иова и авторы псалмов, когда они восхищались величием Божиим, открывающимся в сиянии солнца, в блистании звезд и в преграде, положенной дикому разгулу морской стихии, и в «ликновании» холмов и полей и пастбищ, и в мощи кедров ливанских. Слова о мудрости Божией, о плане Божиим в творении невольно приходят на ум у верующего в Бога человека. Не следы ли это Божественного Логоса, встреченные, ощущаемые нами в творении? А если мы — падшие и во грехе находящиеся, и мир — падший, то не могут ли открыться нам по ту сторону, так сказать, падшего состояния мира — еще большие красоты и величие Божественного Логоса?

Они в несравненно большей степени, чем нам, раскрываются, — говорит нам религиозная литература и свидетельства об опыте, безмерно превосходящем наш опыт, — святым. Чистый взор души, в котором преодолевается ее падшее состояние, видит присутствие Бога в мире, видит действие Логоса Божия в твари, видит затемненное грехом и господством смерти лицо твари, так, как она существует в Боге, в плане Божиим. Мир еще во власти темных сил — «весь мир во зле лежит» (1 Иоан. 5, 9), но уже открывается их просветленному взору подлинная его сущность, то, чем он живет, то, к чему он во внутренних глубинах своих стремится, будучи еще в оковах тления и неправды. То, что дает жизнь творению, то, чем оно живет, есть Слово Божие.

Достоевский понял это, когда на наивный вопрос юноши-крестьянина относительно жизни всей твари: «Да неужто и у

них Христос?» — он отвечает устами старца Зосимы: «Как же может быть иначе, ибо для всех Слово; все создание и вся тварь, каждый листок устремляется к слову, славу Богу поет, Христу плачет, себе неведомо, тайной жития своего... — совершает сие». Еще ярче выражено это в «Откровенных рассказах странника», как открылось страннику это присутствие Логоса Божия в мире. Все твари свидетельствуют ему о любви Божией к человеку и все стремится к Богу и поет славу Богу. И он понял то, что в «Добротолубии» названо «разумением слова твари», и он увидел, как можно беседовать с творением Божиим. Недаром псаломщик восклицает: «Небеса поведают славу Божию и о делах рук Его возвещают твердь».

Прикасается тут праведник к внутренней ткани мира — к слову Божию, действующему в мире.

3.

Логос Божий есть вместе с тем средоточие истории человечества, тот центр духовный, к которому невольно тянется всякий человек, приходящий в мир.

Новозаветная проповедь подчеркивала, что пришествие Логоса на землю есть исполнение томлений и ожиданий ветхозаветного мира. Недаром последнее слово Христа на кресте, согласно Евангелию от Иоанна, есть: «Совершилось!». «Блаженны очи, видящие то, что вы видите, и уши, слышащие то, что вы слышите!» — восклицает Христос. «Ибо говорю вам, что многие пророки и цари хотели видеть то, что вы видите, и не видели, и слышать то, что вы слышите, и не слышали» (Лук. X, 23-24; Мат. XIII, 16-17). Но можно сказать, что вся история мира и за пределами Ветхого Завета связана с этим «исполнением»; в нем находит свой смысл. Слова Юстина Философа и Климента Александрийского о семенах Божественного Логоса, рассеянных в мире и действовавших в сердцах Гераклита и Сократа, могут быть расширены еще больше и отнесены ко многим алкавшим Истины и искавшим ее, находившимся за пределами ветхозаветной или греческой религиозно-философской традиции. Черты первобытного монотеизма или позднейших монотеистических настроений, рассеянных среди народов и племен самого различного культурного уровня — начиная от стоящих на весьма еще примитивной и неразвитой, повидимому, степени культуры (напр., пигмеи Центральной Африки, жители Андаманских и Никобарских островов в Индийском океане, некоторые племена Центральной Австралии и Новой Гвинеи), а также с более уже культурных племен индейцев

Северной Америки и многочисленных племен Банту в Африке, и кончая авторами некоторых гимнов из Риг-Веды и некоторыми египетскими гимнами, посвященными Аммону-Ра и Атону (Солнечному Диску) и особенно некоторыми возвышенными и глубокомысленными местами из индусских Упанишад, — эти черты монотеизма, исконные или вспыхивающие на пути религиозных исканий человечества, являются несомненно одним из свидетельств о внутреннем действии Логоса в душах, ищущих божественного Света. Искание Бога в различных религиях языческого мира есть не только ряд заблуждений, но и ощущение смутное и отдаленное, основного Источника Бытия, о котором апостол Павел (пользуясь словами греческого стоического поэта) говорит в своей речи к Афинянам: «В Нем мы живем и движемся и существуем». И через все религии человечества проходят некоторые основные данные религиозного опыта, замутненные, затемненные, но все же связанные со внутренним действием божественной Основы, божественного внутреннего Закона мира — Логоса Божия — в сердцах человеческих. Большие сходства в моральном кодексе человечества на известных высотах его культурного и морального развития, причем весьма близкие черты встречаются у весьма различных народов, также говорят о какой-то общей невидимой цели и норме, определяющей эти моральные искания и усилия. В глазах же того, кто верует в Свет, просветляющий всякого человека, грядущего в мир, это есть скрытое действие Логоса Божия. Оно с исключительной силой проявилось в Ветхом Завете, который был великим откровением Божиим, «детоводителем ко Христу», по словам ап. Павла (Галат. 3, 24).

Ориген, так пишет о действии Логоса в сердцах праведников ветхозаветных: «Мы не должны забывать, что обитание Христа среди людей имело место, до Его обитания с нами во плоти... В духе своем эти праведники видели, что полнота времен приближается — патриархи, Моисей, служитель Божий, и пророки, которые созерцали уже славу Христову» (Комментарий на Евангелие от Иоанна, кн. 1, гл. 9). Мысль, несколько поражающая нас и представляющаяся нам смелой, но имеющая для себя опору в самом апостольском благовестии. Логос Божий не только явился, пришел в мир, но Сам приготовил пути для Своего пришествия, подготавливая сердца людские.

4.

Есть две точки зрения, казалось бы, близкие друг к другу, на самом же деле резко друг друга исключают: одна настолько

подчеркивающая единство конечной цели религиозного устремления человечества, что она пренебрегает всеми различиями и за всеми многообразными путями религиозного искания признает в основе одинаковую правду. Это — точка зрения религиозного релятивизма. Та же, одна Высшая Правда, раскрывается многообразно — и в самых грубых языческих обрядах и верованиях в сущности не в меньшей степени, чем в самых высших переживаниях религиозного опыта человечества. А уж эти вершины религиозного опыта человечества по существу равноценны. Такая точка зрения исповедуется, например, современными теософами и многими представителями индусской и суффийской (персидской) мистико-пантеистической религиозной мысли. Очень характерна в этом отношении, например, молитва философа Аблул-Фазла (1547-1595 г. по Р. Х.), который жил при дворе великого императора Индии («Великого Могола») Акбара*). Он равно ощущает присутствие Божие и в мечети, и в языческих храмах, и у христиан, и у буддистов, и у евреев. Есть Единое Божественное Существо, единый Божественный Разум, влекущий нас к себе, а способы поклонения Ему, в глазах Аблул-Фазла, повидимому, безразличны. С христианской точки зрения это есть искажение учения о Логосе Божиим, действующем в мире.

С христианской точки зрения нет этой равноценности между различными формами религиозного почитания, ибо много лжи и соблазнов царит в мире, мир во зле лежит, и силы зла смогли часто, врываясь в историю человечества, исказить до неузнаваемости и растлевать наши способы богопочитания, наши искания Бога и представление о Нем. Но более того: христианство верит и знает, что у Бога есть «план домостроительства», план спасения мира, по которому центром мировой истории — неповторимым и не нуждающимся ни в каких повторениях (а согласно буддийским представлениям число будд и явлений их миру неограниченно и бесконечно) — является воплощение Сына Любви Его, добровольно принявшего смерть за нас и воскресшего из мертвых. А раз это (и только это) есть центр всего плана Божия о мире (ибо ничто не может быть сравнено с безмерным снисхождением спасающей Любви Божией), то ясно, что и все предыдущее и последующее, что было в мировой истории, как-то связано с этим исключительным, неповторимым, единым по своей значимости и спасающей силе фактом. Логос действовал в мире, пробуждал и возбуждал сердца людей к исканию Правды, и искорки

*) Текст см., напр., у René Grousset «Histoire de l'Asie», том I, 1922 г., стр. 225-6.

ее воспринимались людьми среди мрака лжи и демонического зла, врывавшегося даже в религиозную жизнь человечества. И эти искры и эти лучи не равноценны поэтому полноте явления Логоса Божия в воплощении Его, когда Он обитал среди нас («и Слово стало плотью и обитало среди нас...»). Все эти лучи — только предварение, все они сходятся к этому единому центру истории и плана Божия о мире и всем творении Своим, и без него они лишены своего конечного оправдания и обоснования.

В том неповторимая значительность и сила, особенность и сущность христианства, что поистине это — Слово Божие, Логос Божий, «стало плотью и обитало среди нас, и мы видели славу Его, славу как Единородного от Отца, исполненную благодати и истины (Ин. 1-14). В этом — центр судеб всего творения и обоснование истории мира: Тот, через Кого мир был сотворен, Логос Божий, вошел в мир и жил среди нас и стал нашим братом и освятил Собою мир и человека.

Николай Арсеньев.

НАУКА И СОТВОРЕНИЕ МИРА

Один из самых больных вопросов, поставленных наукой ученому христианину, есть несомненно вопрос: как можно совместить чисто материалистическое и индуктивное мировоззрение, предлагаемое нам наукой, с основным понятием нашей веры, которое мы находим в первом члене Символа веры: «...Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым»? Дело идет не о доказательстве сотворения мира (что равносильно «доказательству» существования Бога), но о желании установить, что наша вера в «сотворение» мира не противоречит прошлому вселенной в том виде, как наука теперь его себе представляет.

В течение этого изложения, мы далеко уклонимся от библейского повествования, на которое мы можем смотреть как на индикаторное изображение основной истины, изложенное языком, приспособленным к интеллектуальному уровню примитивного человечества.

Еще сорок лет тому назад, общепринятым мнением было, что вселенная бесконечна во времени и пространстве. Кое-какие сомнительные толкования термодинамических законов приводили к мысли, что вселенная стремится к «энергетической смерти», но никак не могли установить ни начала ни конца вселенной.

Теперь эта точка зрения радикально изменилась. Наука установила существование ряда явлений, быстрота эволюции которых нам известна. Некоторые явления (напр., радиоактивность элементов) прогрессируют только в одном направлении (их принято называть «необратимыми») и мы можем, таким образом, представить себе их состояние в любой момент прошлых веков. Но мы увидим, что установить их состояние в прошлом далее известного предела невозможно. С другой стороны, ученые сумели определить возраст многих тел и во всех случаях возраст этот оказался меньше периода времени, отделяющего нас от вышеупомянутого предела.

Итак, наука доводит нас до определенного «начального состояния», но никаким образом не дальше. Рассуждения о том, что было раньше этого предела, являются лишь предположениями. Мы же, христиане, думаем, что это «начальное состояние» соответствует первобытному состоянию, по сотворении мира. Материалисты и атеисты пытаются представить себе иные предшествующие состояния мира, но они не опираются ни на какие известные факты и их гипотезы не приносят ничего нового для объяснения нынешних свойств вселенной. Эти гипотезы «донального состояния» ставят себе целью удовлетворить предвзятые идеи, принятые некоторыми философскими течениями.

Я хочу теперь рассмотреть вкратце различные факты, дающие возможность ознакомиться с эволюцией вселенной во времени. Разделим явления, которые мы изучаем, на две группы:

а) во-первых, явления, по которым можно определить возраст данного предмета. Слово возраст означает период времени, прошедший с того момента, когда данный предмет принял теперешние свойства, независимо от того, когда его материя была создана;

б) во-вторых, «необратимые явления», прошлое которых можно исследовать только до некоторого предела во времени.

Возраст горных пород, образующих земную кору

Мы знаем, что природная радиоактивность превращает тяжелые элементы в более легкие. Например, радиоактивные уран и радий превращаются, в конце концов, в нейтральный свинец. Таким же образом рубидий превращается в стронций. Очень точными лабораторными опытами, ученые измерили скорость этих трансформаций и нашли, что они не зависят от физических условий. С другой стороны, в горных породах находится радиоактивный рубидий, смешанный со стронцием. Если предположить, что

очень вероятно, что существующий стронций (очень редкий металл) весь происходит из первоначального рубидия, то можно вычислить возраст горной породы. Укажем несколько результатов:

Возраст некоторых скал Манитобы (Канада) . . . 2.250 млн.
Возраст некоторых скал Родезии (Юж. Африка) 2.850 млн.

Можно предположить, что до этого времени, скалы эти имели вид вулканической лавы.

Американский ученый Holmes, благодаря другим, более замысловатым, но менее надежным методам, определил в 3.350 млн. лет минимальный возраст земной коры.

Возраст метеоритов

Гелий, существующий в метеоритах, является результатом природной радиоактивности элементов или их расщепления силою космических лучей. Принимая во внимание возможное просачивание газов, можно определить вычислениями аналогичными предыдущим, что возраст метеоритов колеблется между одним и двумя миллиардами лет. Недавно русские ученые нашли, что возраст некоторых метеоритов, упавших в Сибири, доходит до 4 миллиардов лет. В данном случае возраст является так же периодом времени, прошедшим после отвердения метеоритов.

Возраст звезд

Теплота звезд и солнца происходит от превращения в звездных ядрах (при очень высокой температуре: от 10 до 50 миллионов градусов), четырех атомов водорода в один атом гелия. Таким образом, по мере того как звезда стареет, она обогащается гелием. Зная количество излучений звезды, можно вычислить расход водорода превращаемого в гелий. (Солнце, напр., превращает 1 процент своего веса в миллиард лет). Спектральный анализ и теоретические соображения могут определить количество гелия в звездах и скорость эволюции этих звезд. Очень сложные вычисления, требующие употребления электрических счетных машин (в Америке и СССР), дают нам максимальный и вероятный возраст звезд.

Некоторые звезды, очень молодые, не достигают и миллиона лет. В 1955 г. астрономы нашли две звезды, не существовавшие

еще семь лет тому назад. (Нельзя смешивать с так называемыми «новыми звездами» или *Novae*, которые по природе своей — старые звезды, внезапно взорвавшиеся). Возраст большинства звезд колеблется от 3 до 5-ти миллиардов лет. Возраст солнца немного превышает четыре миллиарда лет. Самые старые звезды, которые имеют не более пяти миллиардов лет, находятся в шаровидных скоплениях (разновидность очень плотных звездных скоплений, включающих в себе миллионы звезд). Звезды старше 5-ти миллиардов лет науке неизвестны. Динамическое изучение устойчивости звездных скоплений так же приводит к заключению, что их возраст не может превысить 1-2 или максимум 5 миллиардов лет. Надо заметить, что понятие «рождения» звезды ни в коем случае не может отождествляться с понятием ее сотворения, так как непрерывное образование звезд из межзвездной материи не только теоретически доказано (Амбарцумян и вся русская астрономическая школа), но по всей вероятности, совершается в млечном пути, где газовые туманности очень многочисленны.

В общем можно придти к следующему заключению: нынешняя фаза жизни вселенной длится около пяти миллиардов лет.

Возраст элементов

Атомическая теория доказывает, что не только гелий, но и другие легкие элементы (углерод, кислород, кальций и т. д.) могут образовываться из более легких элементов в ядрах, особенно горячих звезд. Даже железо может образоваться во время некоторых исключительных случаев (новые звезды). Но никакое нынешнее астрономическое явление не достигает достаточных давлений и температур для образования более тяжелых элементов (уран и прочие). Это значит, что когда-то произошло какое-то необыкновенное событие (взрыв с чрезвычайно высокой температурой?), во время которого эти тяжелые элементы образовались. Надо думать, что эти элементы принадлежат эпохе радикально отличавшейся от нынешней фазы мировой истории, которая, как мы уже видели, длится около 5-ти миллиардов лет.

Некоторые из этих элементов необратимо исчезают*), потому что они природно радиоактивны. Скорость их исчезновения определена теорией и лабораторными опытами. Она независима от физического состояния тела в пределах миллиарда градусов, температуры фактически далеко недостигнутой в мире. Принимая во

*) Свинец образовавшийся благодаря радиоактивности радия, сам уже не может превратиться в радий.

внимание нынешнее количество радиоактивных элементов и скорость их исчезновения, можно вычислить их количество в любом моменте прошлого. Оказывается, что если бы эта радиоактивность началась бы более чем 6 миллиардов лет тому назад, то в наше время должно было бы существовать больше остатков их разложения (главным образом свинца), чем фактически имеется на земле и на звездах. Таким образом эти элементы не могут быть старше этого возраста, и нельзя согласовать этот факт с существованием вселенной в нынешнем виде раньше, чем 6 миллиардов лет тому назад. Надо полагать, что 5 или 6 милл. лет тому назад произошло какое-то событие (взрыв) сопровождаемое вмешательством каких-то сил и температур, значительно превышающих все то, что теперь можно наблюдать.

Удаление внегалактических туманностей

Звезды группируются в огромные скопления, которые называются «внегалактическими туманностями» или галактиками. Они могут содержать до ста миллиардов звезд. Млечный путь составляет вид такого скопления, к которому принадлежит солнце и все видимые простым глазом звезды. Существуют миллиарды таких скоплений, самые отдаленные из которых так далеки, что свет должен идти больше миллиарда лет, чтобы их достигнуть. Все эти галактики удаляются от нас со скоростью достигающей 45.000 км. в секунду и чем они дальше, тем скорее они удаляются. Все происходит так как будто вся вселенная расширяется как дым в воздухе и расстояния между предметами непрерывно возрастают. Это явление хорошо объясняется (теорией относительности Эйнштейна), после работ американца **Hubble** и русского ученого Фрейдмана. Хотя мы еще не знаем каким образом скорость расширения меняется в течение времени (ответ на этот вопрос зависит от работ, которые сейчас проводятся в США — **Zwicky**), но все-таки можно утверждать, что вся вселенная имела когда-то очень маленький объем и что это расширение является результатом взрыва, который произошел между 5-8 миллиардами лет тому назад.

Существует много других разных теорий, старающихся объяснить смещение линий в спектрах галактики, но ни одна из них не имеет основанием физические наблюдения и только теория удаления галактики опирается на факты.

Существующая гипотеза постоянного созидания материи ставит под сомнение понятие о возрасте вселенной, но эта чисто

умозрительная гипотеза приводит к выводу о таком размещении галактики в пространстве, которая не подтверждается наблюдениями.

Наконец происхождение космических лучей, которое до сих пор казалось загадочным, теперь связывается с эволюцией звезд. Таким образом их существование больше не может служить аргументом, доказывающим существование «дозвездной» фазы вселенной.

Итак все отрасли науки приводят нас к следующей гипотезе: 5 или 6 миллиардов лет тому назад не существовали ни звезды, ни галактики, но вся материя вселенной была сосредоточена в маленьком объеме. В каком виде была эта материя — трудно сказать. Аббат Lemaître (Бельгия) предполагает существование громадного первичного атома, тогда как Eddington (Англия) говорит о первоначальной туманности. Как бы то ни было, все началось чрезвычайно сильным взрывом, объясняющим одновременно и расширение вселенной и образование тяжелых элементов и только потом начался период звездного состояния материи с образованием галактик, шаровидных скоплений звезд и планет.

В заключение можно сказать, что наука позволяет нам определить не только момент, когда началась современная фаза существования мира, но и ее первоначальное состояние, что приводит нас естественно к мысли о создании мира. Эта идея сотворения не противоречит ни явлениям, с которыми мы познакомились, ни научному объяснению.

Иван Ковалевский.

МОЦАРТ В РОССИИ

(По поводу 200-летия со дня кончины Моцарта)

Кажется нет композитора, на котором бы сходились все меломаны без исключения, как они сходятся на авторе «Дон Жуана» и «Свадьбы Фигаро». Прошло двести лет — и свежесть и блеск творений этого автора кажутся еще более ослепительными и дыхание их еще более ароматным. Конечно, «люди, жалкий род, достойный слез и смеха» не должны были бы забывать того, как они обошлись с этим вселенским соловьем, как после недолгих (и ничего не стоящих) восхищений, к нему «охладели».

Поразительно предельное равнодушие современников к это-

му великому гению. Вспомним, что его похоронили, вернее закопали, в общей могиле.

Моцарт был чист и незлобив как дитя, как его музыка, на которой так ярко оправдались слова Шопенгауэра о детскости гения.

Моцарт верил, как дитя — от всего сердца. Вот почему так искрення его религиозная музыка, и, в частности, такие произведения, как Месса до-минор и знаменитый «Реквием» (ре-минор), где композитор сам себя отпевает, будучи твердо уверенным в том, что его отравили и что его последний час пробил. Благодаря своей чистоте и искренности, эти благоухающие слезы гениального ребенка так проникают к нам в сердце и так очищают и облагораживают его. Благородство связано у Моцарта с абсолютным господством хорошего вкуса, где Моцарт тверд как алмаз, как тверда и безупречна его гармония и инструментовка, как гибок и чист его непостижимо-совершенный контрапункт.

Если в XVIII в. было много духовной и философской мизерности (напр., у материалистов), то на примере Моцарта мы можем убедиться в том, что в нем было не мало глубины и хорошего вкуса. Может быть даже последнее есть основное положительное свойство в том ценном, что принес этот век.

О Моцарте писали много; и ныне литература о нем может сложиться в особый и очень объемистый отдел музыкологии. Нам, русским, интересны и важны отзвуки, отсветы и реакции моцартова гения в сфере русской культуры — как музыкальной, так и общей.

Мало кому теперь известно, что на русской почве возникло лучшее изложение фактов о жизни и творчества Моцарта. Я имею в виду появившееся в печати в 1840 г. трехтомное сочинение нашего соотечественника Н. Улыбышева «Новая биография Моцарта» (*Nouvelle biographie de Mozart*). Автор этой книги, воздававший Моцарту настоящий культ, много поработал над его жизнеописанием и творчеством. Он из первых рук получил все, касающееся Моцарта, приобрел массу сведений от его вдовы, рожденной Констанции Вебер. Книга эта быстро получила мировую известность и сам ее автор по сей день занимает положение основополагающее в области «моцартоведения». К сожалению, Улыбышев не только поклонник, но и фанатик Моцарта. И для того, чтобы слава Моцарта сияла безраздельнее — единым солнцем на музыкальном небосклоне, он счел необходимым написать книгу против Бетховена, которого не без оснований считал единствен-

ным серьезным (и победоносным) соперником Моцарта. Книга называется «Бетховен, его критики и комментаторы» (Beethoven, ses critiques, ses glossateurs). Она вызвала громадную полемическую литературу — как в России, так и во всем мире. Особенно Лист яростно ломал копыта за Бетховена. Великий пианист, обладая очень большим литературно-полемическим даром, удачно сразился с Улыбышевым — и притом так, чтобы, не задевая Моцарта, реабилитировать Бетховена. Полемика эта очень интересна и весьма оживляет музыковедение XIX в.

Что касается непосредственных влияний в автентической области музыкального творчества как такового, то здесь следует различать стилизации под Моцарта и внутреннее, духовное влияние музыки Моцарта. Блестящие стилизации, весьма удавшиеся, принадлежит таким двум столпам русской музыки, как Чайковский и Римский-Корсаков. Кроме того, еще до них знаменитая тройка «отцов русской оперы», XVIII века — Пашкевич, Матинский и Фомин — несомненно имеют общий с Моцартом дух. Самый крупный из них — Фомин гораздо талантливее того, что принято о нем думать. Он заслуживает специального исследования уже потому, что русские люди во всем, что касается их культуры «ленивы и не любопытны» — увы! Пушкин, сказавший это, был вполне прав. Однако, Фомин совершенно безотносительно к тому, что он — русский и что он принадлежит истории русской музыки — композитор первоклассный, которого, однако, постигла типично «русская» судьба: он был затерт и забыт своими соотечественниками. Если в наше время сыграть кому-нибудь из понимающих музыку, но не знающих Фомина меломанов, отрывок из его оперы «Американцы», то ответ бывает неизменно один: неизвестное произведение Моцарта (благо их удивительно много — 750!). И это отнюдь не простое, пусть блестяще-талантливое, подражание. Это — явление моцартизма на русской почве.

Коснемся стилизаций «под Моцарта» у Чайковского и Римского-Корсакова. Эти стилизации в их самом удачном виде мы встречаем в сюите Чайковского «Моцартиана», которая главным образом состоит из цитаций Моцарта, арранжированных с огромным, свойственным Чайковскому «профессорским» мастерством. Но особенную славу и любовь Чайковскому стяжала его стилизация во втором действии «Пиковой Дамы» — пастораль интермедия «Искренность пастушки». Здесь все мотивы — вступительный номер, сарабанда, дуэт «Мой миленький дружок», сцена с королем и заключение — действительно показывает полное освоение моцартова мастерства, моцартова духа и пламенную лю-

бовь к великому мастеру. Заметим здесь кстати, что Чайковский, очень одаренный не только музыкально, но и литературно, — написал немало статей, где разбирает и прославляет своего любимца. Чайковский, также как Улыбышев, был обожателем Моцарта и относился «прохладно» к Бетховену, хотя никогда не позволял себе по адресу величайшего композитора в мире тех выхонок, которые себе, к сожалению, позволил Улыбышев. Блестки «моцартизм» рассыпаны по всему необъятному творчеству Чайковского, но сам он представлял натуру несомненно гораздо более родственную Бетховену, чем Моцарту.

Н. А. Римский-Корсаков, столь же плодовитый, сколь и гениальный композитор, — весьма родственная Глинке творческая натура. И если Глинку можно смело назвать «Русским Моцартом» — по духу, а не по стилю, как Фомин — то те же свойства чистоты, строгости, классичности и внутреннего блеска надо отнести и к Римскому-Корсакову. Конечно, в области оперно-музыкальной фактуры произошел к тому времени тот переворот, начатый Бетховеном и заверченный романтиками, переворот, который положил резкую границу между духом XVIII в. и Глинкой с «Могучей кучкой» вкуче. Переворот этот, пожалуй, ни в чем так характерно не отразился, как в инструментовке — в самом сильном месте творчества Римского-Корсакова. Однако, воздушная легкость, грация, безупречный вкус и прозрачность, даже в самых мощных местах, показывают, что веяние Моцартовой музыки в России не осталось бесплодным, но принесло богатейшие плоды. Однако, у Римского-Корсакова, который, так же как и Моцарт, был по преимуществу оперным композитором, есть вещь, где цитирований Моцарта не было, так же, как не было их в пасторали Чайковского «Мой миленький дружок», но где все заново сочинено в полноте моцартова духа. Мы имеем здесь в виду оперу «Моцарт и Сальери», где по самому своему сюжету требовалось первоклассное мастерство в деле не только стилизации, но и в выражении моцартова духа. С этой двойной задачей Римский-Корсаков справился блестяще — и остается только жалеть, что эту оперу ставят так редко, тем более, что ее постановка недорога и только требует очень большого мастерства со стороны дирижера и артистов. В первом действии, по ходу драмы у Пушкина (откуда взят текст для оперы), Моцарт должен играть Сальери, своему завистнику и палачу, вновь набросанную ночью пьесу. Эта пьеса имеет значение роковое: после ее прослушания Сальери окончательно решается отравить Моцарта.

Моцарт (за фортепиано):

«Представь себе... кого бы?

Ну, хоть меня — немного помоложе;

Влюбленного — не слишком, а слегка;

С красоткой, или с другом — хоть с тобой;

Я весел... Вдруг: виденье гробовое,

Внезапный мрак иль что-нибудь такое.

Ну, слушай же» (играет).

Здесь перед Римским-Корсаковым стояла труднейшая задача на фортепиано имитировать клавишинный стиль сочинений Моцарта. Впрочем, в драматической ее части надо было избежать всякой тяжести и, в то же время, сохранить внутренний трагизм. Ведь здесь речь идет не только о том, чтобы передать «виденье гробовое, внезапный мрак, иль что-нибудь такое», но и музыкально выразить надвигающуюся на Моцарта смерть — в лице слушающего Сальери — палача и завистника. И это Римскому-Корсакову удалось: причиной успеха было не только громадное мастерство и знание, но еще и родственный дух. К этому надо прибавить, что и сам Пушкин был чрезвычайно родственной Моцарту артистической натурой, да еще с судьбой внутренне аналогичной судьбе Моцарта: и ему не дали допеть его соловьиных песен и его враги, «не осилили сильные, но дорезала осень черная»... Какое удивительное сцепление тем, сюжетов и артистически-драматических реминесценций! К этому надо еще добавить, что творчество Пушкина само есть, как правило, идиллия и даже пастораль, которую в ключья разносит судьба, надвигающаяся «времен от вечной темноты» — и «нет спасенья» — чтобы употребить выражения самого «Русского Моцарта поэзии и литературы».

К этому прибавим, что, как сам Моцарт с его загадочной и темной смертью, так и трагедия Пушкина, где на протяжении нескольких страничек рассыпано столько сокровищ мысли и поэзии, вызвали к бытию одно из лучших — несмотря на малый размер — творений о. Сергия Булгакова. Статья эта так и называется «Моцарт и Сальери» и помещена в сборнике «Тихия думы» (1908 г.). В ней подвергнуты тончайшему анализу взаимоотношения Моцарта и Сальери и дана трагическая феноменология зависти. К этому надо прибавить, что о. Сергей Булгаков дал удивительно глубокое сопоставление Моцарта со Христом, Сальери — с Иудой Предателем и «черного человека» — с сатаной. Роковой же обед, на котором предатель отравляет учителя и друга — сопоставлен с Тайной Вечерей Друга и Спасителя людей. Моцарт отнюдь не

«безумец и не гуляка праздный», каким его хочет оклеветать враг и завистник. Под улыбочивой и грациозно обходительной манерой, под склонностью к острословию и к шуткам, которые так мало, как будто бы, идут к гению, Сальери не усмотрел в Моцарте гениальной и глубокой природы, как ее часто не усматривают и в Пушкине мелкие критики. В натуре Моцарта было нечто ангельское. Вот почему вокруг него так легко и отранно дышется — даже тогда, когда этот «земной ангел» поет свои скорбные песни и свой не имеющий равного Реквием, прославленный гением Пушкина — Моцарта русской литературы и поэзии.

Владимир Ильин.

19.6.1956. Париж.

БИБЛИОГРАФИЯ *)

А. В. КАРТАШОВ: «ВОССОЗДАНИЕ СВЯТОЙ РУСИ».

Париж. 1955 г.

Антон Владимирович Карташов принадлежит к «пророческому» типу русской интеллигенции. Этот тип русской мысли через Гоголя, Хомякова, Достоевского и Соловьева дошел до наших дней. Последними представителями его являются участники до-революционного религиозного движения среди русской интеллигенции, полные импульса, направленного не к духовному только, но и социально-государственному преобразению России и всего мира. А. В. Карташов, как историк, может быть наиболее среди них эмпиричен.

Пророческое самочувствие А. В. Карташова воспитано самими событиями истории последнего полу-века. Можно даже сказать, история сама сделала его своим трибуном и пророком. Из молодого ученого Петроградской Духовной Академии и члена Религиозно-философского Петербургского Общества, он стал, при Временном Правительстве, Обер-прокурором Русской Церкви, приняв должность Министра Исповеданий. При нем состоялся Поместный Собор 1917-18 гг., на котором был избран Патриарх, и Карташов открыл этот Собор от имени русского государства. В тот период времени, это уже было деянием скорее «пророческого» стиля, чем государственного, что Карташов до сих пор чувствует; это чувство судь-

*) Мы получили от М. М. Родзянко письмо по поводу рецензии прот. В. Зеньковского на книгу М. М. Родзянко «Правда о зарубежной церкви». В виду общецерковного интереса, какой представляет ответ прот. В. Зеньковского на письмо М. М. Родзянко, мы перелали письмо его и ответ о. В. Зеньковского в редакцию Церковного Вестника Западно-Европейского Православного Русского Экзархата, где все это будет напечатано в ближайшем 62-м номере.

боносности своей для России в нем сохранилось за все десятилетия эмиграции. Он не переставал соединять внутренне, религиозно, свое политическое действие с религией и православием. Это связь определенного миропрятия с определенным мироотвержением законна, но относится она более к личной свободе человека, чем к нормативным церковным установкам. Это область так называемого «творчества» человека, но не Закона Божьего. В противоположность многим русским деятелям его поколения, Карташов остро чувствует свою, не только духовную, но и политическую ответственность за все, что произошло с Россией. Это христианское чувство у него переходит из чувства лично своей вины, в чувство вины, как представителя той мыслящей русской интеллигенции, которая, из любви к России, столь легкомысленно раскачивала здание русской государственности, которое могло быть мирно обновленным, а не разрушенным, не превращенным в базу мирового атеизма. Это чувство не позволяло А. В. Карташову все эти долгие эмигрантские годы отдаваться только одним богословским академическим трудам, в чем, конечно, его первое призвание (с нашей точки зрения). Он неизменно оставался все эти десятилетия эмиграции и политическим борцом, закваски «двадцатых годов»... Острый ум его, однако, не позволял ему заходить, в этом отношении, слишком далеко; он не мог не видеть тщеты политической фразеологии. «Святое святых» его оставалось все эти годы в Церкви... Но у А. В. Карташова остается нечто — почти невесомое — общее с другими представителями русской профетической интеллигенции начала нашего века. И для него уклонение человека от гражданско-политических забот и обязанностей, остается впадением «в ересь монофизитства», т. е. признанием лишь одной, небесной природы в Спасителе; иначе сказать — **грехом против боговоплощения**. Здесь наиболее спорная и **недостаточно развитая** идея его книги. Область «плоти», которая должна быть спасена и преображена во Христе, А. В. Карташов распространяет на политику и на государство. Конечно, все в мире доступно лучам духовного преображения, и все призвано к преображению, кроме греха; но не каждому человеку даны пути «преображающего» действия в области политики, или хотя бы только политического мышления. И отсутствие интереса к этой области, при наличии подлинной духовной жизни человека, не есть, конечно, его ущерб или дефективность, тем более ересь... **Все зависит тут от самого человека, и его царственная свобода во Христе не может быть связываема и вынуждаема к выходу в мир для разрешения специальных социальных и политических задач.**

Книга Карташова недостаточно учитывает, что бывает уклонение от политической борьбы (как и от брака) из-за гнушения «плотью» политической борьбы; а бывает праведное воздержание от этой борьбы (как и от брака) чрез принятие для себя **других путей**, во Имя Божье, не менее, а может быть еще более благословенных для **данного именно человека** и творимого им дела. В силу своего национально-исторического эроса (который может быть и плюсом и минусом для религиозного мыслителя), А. В. Карташов невольно сужает диапазон им самим защищаемой христианской свободы и вдвигает ересь монофизитства в то, что может не иметь ничего общего ни с этой, ни с иной какой ересью, а являться одним из выражений и путей данной свыше человеку свободы.

Если для самого А. В. Карташова уклонение в эмиграции от политических слов и дел было бы духовной ересью (что возможно, конечно; мы не беремся решать этого вопроса), то не для всякого обяза-

тельно такое чувство. Во Христе различны дары и несходны служения, но все «от Единого», если ведут к «единому на потребу». Вера в Христа, как Богочеловека, принявшего на себя все человеческое естество, не сопряжена, конечно, в мире с обязательными **политически** «нагрузками» души. Более того и политику-христианину надо тоже уметь отходить, хотя бы иногда, от сложнейшей и хитрейшей многосуетности сего мира, чтобы потом (если дано ему) снова включиться в какую-либо область его и идти по ней «не утопая», не впадая в чрезмерный оптимизм, в отношении земных путей и надежд (как достижения, например, Царства Божьего путем государственных форм, социальных реформ или Объединенных Наций), и не уходя в пессимизм, отрицающий возможность и нужность социальной действительности.

Быть вне политических действий или интересов, еще не значит быть «вне жизни», или стать «монофизитом» (особенно, для богослова). Иначе, придется усмотреть «монофизитство» даже в самих евангельских словах, **Утверждающих, что Царство Христово «не от мира сего».**

Было бы ценно, если бы А. В. Карташов, не полемически, а академически, хотя бы в специальном экскурсе, остановился на этой проблеме, так как именно тут, вопреки своему собственному взгляду на мир и на человека, он несправедлив и к своим ученикам по Свято-Сергиевской Академии, прот. А. Шмеману и С. С. Верховскому, и теряет, как нам кажется, драгоценную перспективу христианской царственности, которую он, со всею священной строгостью, сам защищает на новых путях уже вневизантийской симфонии...

Книгу «Воссоздание Святой Руси» следует прочесть и старым русским людям и молодым; особенно тем, кто не бездумно хочет принять бывшую и будущую историческую реальность, если не святой, то хотя бы христианской Руси.

Еп. Иоанн Сан Франциский.

ДВЕ КНИГИ О РОССИИ

А. В. Карташов. «Воссоздание св. Руси». Париж 1956.

В. В. Вейдле. «Задача России». Чеховское издательство, 1956.

На протяжении одного года вышли в свет две книги, посвященные России, ее будущему. Авторы этих книг — выдающиеся историки, первоклассные мастера слова, — и то, что оба они, при всем различии их мировоззрения, посвящают свои книги теме о России, очень характерно для нашего времени. Оба автора живут верой в христианскую задачу России, оба связывают пути России и ее задачи с тем наследством, какое Россия получила от Византии. Это сходство в понимании путей России в прошлом и будущем, тем более важно, что по существу оба автора совсем по разному чувствуют Россию и ее своеобразие.

Пафос книги А. В. Карташова лежит в идеале «симфонии» Церкви и мира, Церкви и государства, как этот идеал был выработан в церковном сознании в Византии. Это есть **теократический** идеал, т. е., признание, что задача государства, вообще «мира», заключается в служении вечной правде, возвещенной в Евангелии. Никакая абсолютизация государства, т. е., никакой тоталитарный режим неприемлем для христианского сознания, — но и никакое «отделение» Церкви от государства для него тоже неприемлемо. «Пограничная черта между Церковью и госу-

дарством, пишет Карташов, неопределима и иррациональна». Если Церковь, читаем у него, почти две тысячи лет была в союзе с государством, а порой и в подчинении ему, то все же «в сердце своем она сохранила первохристианскую чуждость царству мира сего, свое церковное приснодевство». Миссия «христианизации государства в симфонической идее должна осуществляться не через господство над государством (что было бы внешним способом христианизации мира), а через внутреннее проникновение в него. Но Карташов неоднократно указывает на то, что в «нынешней действительности, мы не найдем опоры для непосредственного применения идеала симфонии. Государство, как и вся культура, глубоко секуляризовалось, стало чуждо и враждебно Церкви... Мы передвинуты, признает Карташов, в новый духовный эон, в век секуляризованной культуры». Поэтому пути христианизации жизни ныне изменились: «нет другой опоры, нет другого места для связи Церкви с жизнью нации, как только в недрах стихии общественной». Карташов называет этот путь «внутренней симфонией с социальной жизнью»; «старый, византийский метод огосударствления Церкви исторически обветшал» и «прежняя классическая форма симфонии Церкви и государства стала нереальной». «Теократическая интервенция» Церкви, по яркому выражению Карташова, ныне может выразиться только в «духовническом, интимном воздействии на верующие сердца». Впрочем, поясняет Карташов, основная миссия Церкви (т. е., христианизация жизни) в конкретном воплощении и осуществлении, есть вообще специальное призвание «не священства, не служителей алтаря и наших молитвенников, вдохновителей и руководителей, а мирян». «Специфическое призвание мирян, в другом месте пишет Карташов, их миссия, их апостольство, в восполнении и усилении учительного и сакраментального апостольства иерархии — это христианизация культуры и оцерковление мира».

От этих общих размышлений о путях Церкви в современности, Карташов обращается к России с исключительным одушевлением и исповедует свою веру в Святую Русь, как она слагалась в прошлом и как она должна вновь воскреснуть в России, ибо вне этого «нет спасительных путей для России». Идеал Святой Руси «объемлет, по мысли Карташова, Россию и Русскую Церковь», но это не национализм церковный у него (столь часто ныне проповедуемый): «дело воссоздания Святой Руси — дело не наше, только домашнее, но и всемирное», — Россия для Карташова есть «лоно мировой культуры». Но Карташов очень трезво смотрит на все трудности, которые стоят сейчас перед Россией и русской Церковью; его вера в воссоздание Святой Руси и определяет его мысль о «православном пути общественного активизма». Тут Карташов высказывает свои заветные мысли о том, что «вся Россия должна быть покрыта огромной, сложной сетью церковных братств». С необычайной силой, с глубокой верой в эту церковно-общественную активность строит Карташов свою программу творческой работы и зовет с искренним вдохновением — не к Московской или Киевской, или Петербургской Руси, а к «творческому возрождению Святой Руси, воссозданию ее в новом стиле **неведомого грядущего**». «Никто за нас Святой Руси не сделает, если не сделаем ее мы сами» — так кончает свои размышления о Святой Руси Карташов.

Обратимся теперь к книге Вейдле.

«В самом начале истории России, пишет Вейдле, ей была задана задача, которая вытекала из крещения Руси и передачи ей Византией наследства древности. В самом общем виде задача эта заключается в том, чтобы **стать частью христианской Европы**. Единство христианской Евро-

пы — ее Запада и Востока, есть вообще раскрытие того, с чего началась Европа: тогда христианский мир, уже знавший различие христианского Запада и христианского Востока, был все же единым. Поэтому их исторический разрыв был ударом по христианству, и ни Западу не найти в отдельности путей своего обновления, ни России без Запада не войти на путь творчества». Вот еще слова на ту же тему: «если ущерб Запада не будет положен предел, если он окончательно станет недостойным своего великого прошлого, **тогда не только смысл его собственной, но и русской истории тем самым будет зачеркнут**». Это собственно центральная мысль у Вейдле — о неразрывности судеб христианского Запада и христианского Востока, о единстве их задач в построении христианской культуры. Но общий взгляд Вейдле на обе части христианского мира мрачный: о Западной Европе он считает, что она почти у края гибели и может стать «окончательно недостойной своего великого прошлого». А Восток — т. е., Россия? В одной из статей сборника читаем: «если когда-либо разгорится былой огонь (который еще тлеет под камнем и щебнем) в новый пожар, тогда восстанет Россия и снова возвестит миру оборвавшуюся на полу-слове ей одной принадлежащую весть». Какие удивительные слова! С одной стороны есть некая «лишь России ведомая весть» — конечно, весть христианская, а с другой стороны, эта весть оказывается «оборвавшейся на полу-слове»... Мы поймем эти несколько загадочные слова Вейдле, если примем во внимание мрачную оценку у него русской души, русского прошлого — особенно в статье «Три России». Тут не только «Чеховский разбитый параличем мир» недавнего прошлого, но и то искажение творческой свободы (в советское время), «которое не могло пройти и не прошло...» Даже о «серебряном веке» русской культуры (начало XX в.), Вейдле пишет: — Знаменательный перелом на пороге нового столетия в мировоззрении Булгакова, Бердяева, Струве и стольких других бывших марксистов, бывших нигилистов, бывших интеллигентов, сыграл роль **лишь в предреволюционном цветении России, а в дальнейшей ее судьбе роли не сыграл**. На фоне этих и еще многих, многих суровых и мрачных слов Вейдле о России, встает у него вопрос: «родилась ли вообще Россия или так и пронежилась тысячу лет в материнском лоне, так и не вышла до революции из предрассветного, утробного бытия?»

И все же нашлись и другие слова у Вейдле: «за всем этим (т. е. за мрачными чертами русской души, русской истории) скрывается то самое, что составляет **наибольшее своеобразие и величайшее сокровище русской культуры, все еще не расплавленное, не застывшее, как у других народов, религиозное, христианское ядро**». Какие чудные слова и как глубоко схватывают они наше «величайшее сокровище»! И еще дальше говорит Вейдле о «непотушенном христианском пламени» в русской душе...

Мрачные, скептические, суровые обличения Вейдле, как-то отступают перед этими его словами — и в свете этого его тема о «задаче России» получает особенную значительность.

Как видим, оба автора во многом расходятся в своем понимании истории России. Есть много суровых слов о России и у Карташова, но золотая нить ее сокровенной жизни (Святой Руси) для него живая и сейчас — только — нужны новые пути строения Святой Руси. Есть и у Вейдле, наоборот слова, вскрывающие силу России, но у него все же слишком много мрачного в его книге. Тем не менее обе книги зовут к христианскому творчеству, к христианской переработке всей нашей культуры. Мажорные тона у Карташова несколько сжимаются от

боязни пассивности русских людей в отношении к их собственной святине, — а у Вейдле, его минорные тона отступают перед лицом той заветной, «одной России преподанной вести», для осуществления которой так нужно наше «непотушенное христианское пламя»...

Обе книги, каждая по своему, но остро и напряженно ставят вопрос о путях России, о творческих задачах, стоящих перед ней. Дай Бог, чтобы призывные тона в обеих книгах нашли свой резонанс в русских людях!

Прот. В. Зеньковский.

N. Alexeev. *Russian orthodox bishops in the Soviet Union, 1941-1953*, 163 p. (mimeographed). *The foreign policy of the Moscow Patriarchate, 1939-1953*, 236 p. (mimeographed).

(Обе работы, несмотря на заглавие, на русском языке).

Первая монография В. Алексева, автора «Невидимой России», посвящена епископату и дает много материала о русских подсоветских иерархах в послевоенное время, вторая касается внешней политики Московской Патриархии (1).

К сожалению, в первой работе отсутствует чрезвычайно смелая речь митр. Филиппа Савицкого († 1953), произнесенная от имени всего епископата в день интронизации патр. Алексея. С другой стороны характеристика митр. Сергия (Воскресенского), экзарха в Прибалтике, обвиняемого в самых страшных преступлениях (стр. 86-97), основана на недостаточно достоверных источниках.

Нам кажутся слабыми доводы, из которых В. Алексеев выводит существование в Сов. России «катакомбной церкви, внутренне связанной с Зарубежным Синодом» (стр. 58-62). Что в России есть группы людей не признающих авторитета Московской Патриархии и ее иерархов, это несомненно. Но составляют ли эти группы подлинную церковь с организованным епископатом? Тот факт, что целый ряд епископов Московской Патриархии «исчезают» совсем (еп. Антоний Марченко, Даниил Юзвюк, митр. Нестор и т. д.) или на долгое время (Феодосий Корневицкий, Иоанн Братолюбов, Симон Иванковский, Мануил Лемешевский), не свидетельствует ли скорее о том, что «официальная» церковь в Сов. России не только на низах, в народе, но и на верхах, в иерархии, соприкасается и переплетается с так называемой «катакомбной церковью»?...

Несмотря на спорность некоторых взглядов автора, работы В. Алексева, очень ценны для тех, кому не безразличны судьбы церкви в Сов. России.

Н. Струве.

Юбилей журнала «ВЕЧНОЕ».

В апреле 1956 года вышел сотый, юбилейный номер духовного журнала «ВЕЧНОЕ», издаваемого уже девятый год епископом Мефодием (Кульманом). С самого начала издания, редактор и его сотрудники

1) Заметим здесь кстати, что *Documentation Française* выпустила три части своей серии о Церкви в Сов. России. Последний третий выпуск (№ 2096-97) посвящен взаимоотношениям между церковью и властью, а также и антирелигиозной пропаганде.

задались целью дать читателям материал, который был бы вне наших современных событий и волнений и давал бы им духовную пищу. Поэтому на страницах сборника печаталось только то, что «вечно» и может быть полезно христианину во все эпохи и при всех обстоятельствах. Очень ценно было приложение к «ВЕЧНОМУ», которое потом было издано отдельно: «Святоотеческое толкование на Евангелие от Матфея» — в трех книгах. Оно дает богатый экзегетический материал. Издательство «ВЕЧНОЕ» не ограничилось одним сборником (журналом) — оно напечатало ряд религиозно-нравственных сочинений и руководств, из которых назовем: «О внутренних препятствиях на пути к Евангелию» о. С. Четверикова; «Памяти арх. Антонина», арх. Киприана; «Житие преп. Серафима Саровского»; «Акафист Ангелу Хранителю», листки, приготовляющие к исповеди и причащению.

Хотя в юбилейной заметке принято только хвалить, но мы хотели бы высказать и несколько пожеланий. За рубежом России так мало издано житийного материала, а то, что издано, давно распродано, что было бы желательным, чтобы в «Вечном» были помещены почаще жития русских святых. С другой стороны, очень важно, чтобы было также больше литургического материала с текстами и их толкованием. Нам кажется, что духовные сборники должны обнимать все области духовной жизни и давать ответ на различные вопросы, согласно с церковной Традицией.

П. Ковалевский.

Х Р О Н И К А.

СЪЕЗД РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ МОЛОДЕЖИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

(19, 20, 21 мая 1956 г. Бьевр, Франция)

В настоящем году Съезд Р.С.Х.Д. был особенно многочисленным: на нем перебивало около 300 человек. Старшие участники Съезда не могли не любоваться большим количеством собравшейся молодежи, среди которой были представители из Англии, Бельгии, Германии и из французской провинции. Лишний раз порадовал на Съезде тот факт, что выросшая за границей молодежь и отчасти уже принадлежащая к третьему эмигрантскому поколению, живо чувствует потребность углубить свою православную веру и сохранить свою духовную связь с далекой, но вечной Родиной. Большинство из молодых участников Съезда регулярно приезжает на Съезд Движения, несмотря на близость экзаменационного периода. Большинство «поющей» молодежи, с любовью включается в церковный хор. Участники Съезда не забудут, как прекрасно пел юный хор в 20-25 человек на всенощном бдении первого дня Съезда.

Доклады Весеннего Съезда касались назначения человека в мире, задач и чаяний христианина. В своем вступительном докладе Л. А. Зандер поставил вопрос: «Нужно ли нам мировоззрение?» и указал, что у всякого человека неизбежно есть свое мировоззрение, которое как бы органически с ним вырастает. Мнение некоторых христиан, что «в религии не нужно умствовать, отрицает основной принцип всякого истинного

познания, который есть любовь. Христианское мировоззрение должно развиваться и углубляться, но требует от христианина творческого усиления на всех путях жизни, оно есть вечное углубление в Тайну Божию, в данных человеческого опыта и разума».

Человеку часто трудно постигнуть сокровенный смысл заключенный во всем творении. Прот. В. Зеньковский, в своем докладе о «Мировом смысле и мировой бессмыслице» коснулся сложной проблемы следствий космической катастрофы, этой «трещины бытия», по выражению Франка, которую мы наблюдаем везде. Преодоление нынешнего состояния мира лежит на каждом христианине. Ложно думать, что «все обойдется само собой». В связи с проблемой ответственности христианина в мире, православный француз, О. Клемент, профессор истории в Париже, с глубиной и силой развил христианское учение о «Месте человека в мире».

(Общая группа участников Весеннего Съезда Р.С.Х.Д.).

Темой доклада еп. Кассиана был, основоположный по важности, термин Павлова и Иоаннова Благовестия: «Во Христе». После ряда текстуальных сопоставлений и комментариев, из которых многие были делом творческой богословской мысли докладчика, еп. Кассиан указал на то, что великий дар единения со Христом имеет разные степени. Закон же восхождения и роста во Христе един: не может быть приобщения к полноте Божественной Жизни без индивидуального участия каждого в Страстях Господних.

Тема доклада В. Н. Ильина принадлежала к совсем иной области. Она отвечала на пожелание некоторых студентов, изучающих «точные науки» и была озаглавлена: «Христианство и наука». Особый цикл тем рассматривался также и в семинарах, проведенных о. А. Князевым — «Участие мирян в литургии», И. Ф. Мейендорфом — «Участие мирян в церковном управлении» и Б. А. Бобринским — «Об учительстве».

В заключение, еще раз отродно отметить, что «жажда православия» сильна у молодежи, и не только у нашей русской, но и у французской, о чем свидетельствует глубокое и тонкое понимание православного духовного мира со стороны французского докладчика, О. Клемент, который поистине о нем ревностно свидетельствовал.

Т. З.

КРАТКИЙ ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛОВСКОГО ИНСТИТУТА В ПАРИЖЕ ЗА ИСТЕКШИЙ УЧЕБНЫЙ ГОД (1955-56 г.)

1) В июле 1955 г. состоялся 3-й Литургический Съезд, в работе которого приняли участие ученые литургисты христианского мира. Было прочитано 14 докладов. Следующий Литургический Съезд состоится в 1957 году.

2) Комиссия, созданная в 1951 г. по инициативе Британского Библейского Общества, для нового перевода Нового Завета на русский язык, продолжала свою работу еженедельно собираясь в Богословском Институте. Основная работа по переводу осуществляется епископом Кассианом, ректором Богословского Института, который окончил уже перевод четырех Евангелий.

3) В настоящем году профессора Бог. Института (еп. Кассиан и прот. А. Князев) прочли ряд лекций на Протестантском Богословском Факультете в Париже по вопросам православной библейской экзегетики. В свою очередь, профессора Протестантских Бог. Факультетов (проф. Михаелис и Кульман) прочли православным студентам ряд лекций по вопросам библейской науки.

4) В ноябре 1954 г., по инициативе Бог. Института были созданы курсы по изучению Православия на франц. языке. Эти курсы дают возможность православной молодежи, говорящей по-французски и не знающей русского языка, углубить и расширить знания о своей вере. С другой стороны, они позволяют и инославным, интересующимся Православием, ближе с ним познакомиться. В 1955-56 г. лекции происходили в помещении Греческой церкви (7, rue Жорж Бизэ, Париж 16) и в помещении Румынской церкви (11, rue Жан де Бовэ, Париж 5).

5) Как и в прошлом году, Курсы по Изучению Православия организовали Литургический Семинар по изучению служб Страстной и Пасхальной Седмиц.

6) Высшие Женские Богословские Курсы при Бог. Институте, существующие уже 7 лет, дают общее богословское образование, причем лекции записываются и издаются отдельными тетрадями, что позволяет проведение курсов заочного преподавания.

7) Профессора Бог. Инст. принимают участие в экуменической работе как во Франции, так и за границей, т. е., они читают доклады на экуменических конференциях и помещают статьи в разных инославных журналах. В сентябре 1955 г. состоялся в Оксфорде съезд, посвященный вопросам патрологии; в нем принял участие И. Ф. Мейендорф.

8) Следуя установившейся традиции, праздник Трех Святителей, перенесенный в этом году на 7 февраля, собрал в Бог. Институте его многочисленных друзей. По окончании литургии, которая обычно в этот день совершается по-гречески, еп. Кассиан сделал сообщение об экуменической работе Института.

9) Осенью 1955 г. хор Бог. Института совершил поездку в Англию, где дал ряд духовных концертов в различных городах. В неделю молитвы о единении христианского мира, по приглашению протестантского прихода в городе Гавре, хор Бог. Института дал духовный концерт 21 и 22 января 1956 г.

10) Летом 1955 г., группа студентов Бог. Института посетила Афон, особенно русские его монастыри. Один из студентов этой группы остался в монастыре св. Пантелеимона, где уже и принял монашеский постриг.

11) В Бог. Институте в настоящее время получают образование православные студенты различных национальностей, что способствует установлению более живого и тесного контакта между православными местными церквями. В истекшем учебном году, в Бог. Институте числилось 30 студентов (русских студ.: 14, греков: 10, сербов: 3, 1 болгарин, 1 немец, 1 американец русского происхождения). Из числа воспитанников Бог. Института 128 человек приняло священство, а 6 было возведено в сан епископа. Несколько бывших воспитанников преподают в Духовной Академии Св. Владимира в Нью-Йорке и в семинарии св. Тихона в Пенсильвании. Бывшие ученики Института ведут церковную работу в свободных странах всего мира, особенно во Франции, Соединенных Штатах, Германии, Италии, Англии, Сирии и Ливане. Многие из них посвятили себя просветительной и педагогической работе при приходах, а также и в организациях молодежи.

9 профессоров Богословского Института окончили свое богословское образование в Институте же.

ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ БОГОСЛОВСКИЕ КУРСЫ

25 июня был отслужен благодарственный молебен по случаю окончания учебного года на В. Ж. Б. Курсах при Сергиевском Богословском Институте. Этим молебном заканчивался 7-й учебный год занятий на этих курсах. За истекшее время около 10 слушательниц, сдав все необходимые экзамены и письменные работы, получили дипломы об окончании курсов.

Как известно, при В. Ж. Б. Курсах возникло почти сразу же два попутных начинания: издание печатных лекций, читаемых профессорами Курсов и курсы заочного изучения Богословия.

Из печатных курсов издано: **Апологетика**, проф. о. В. Зеньковского, **Ветхий Завет** (Пятокнижие), Исторические книги, Пророки, Учительные книги) — о. А. Князева, **Литургия** — проф. Ф. Г. Спасского, **Церковный Устав** — Н. М. Осоргина, **Греческая философия** — проф. о. В. Зеньковского, **Церковный строй** — проф. о. Н. Афанасьева, **Психология** проф. о. В. Зеньковского и др.

Готовится к печати **Догматика** — Учение о Боге — проф. Б. Бобринского и второе издание — дополненное — **Исторических книг Ветхого Завета** в связи с последними научными и археологическими открытиями в Палестине.

Издание этих лекций оказалось очень нужным в виду почти полного отсутствия новых учебников для высших школ (таким образом три учебных заведения — Тихоновская семинария в Америке, Богословский Институт в Париже и Женские Курсы пользуются этими изданиями, как своими учебными пособиями).

Не менее нужными оказались и заочные курсы по изучению Богословия. Около 70 человек вступило в связь с В.Ж.Б.К. Записываются на курсы не только живущие в Европе, но и в Австралии, Азии (Палестина), Сев. и Южной Америке. Интересно и дорого отметить среди уча-

щихся Заочных Курсов лиц, готовящихся к духовному званию, либо лиц уже получивших духовное образование, но стремящихся обновить его новыми данными богословской науки (тут надо особенно отметить Апологетику и Ветхий Завет).

С осени 1956 года в число предметов, изучаемых на заочных курсах, войдут: 1) Догматика (учение о Боге), 2) Греческая философия и 3) Патрология (некоторые части). Этим В.Ж.Б.К. идут навстречу лицам, прошедшим уже все предметы Заочного преподавания изданные до настоящего времени, но желающим его продолжать.

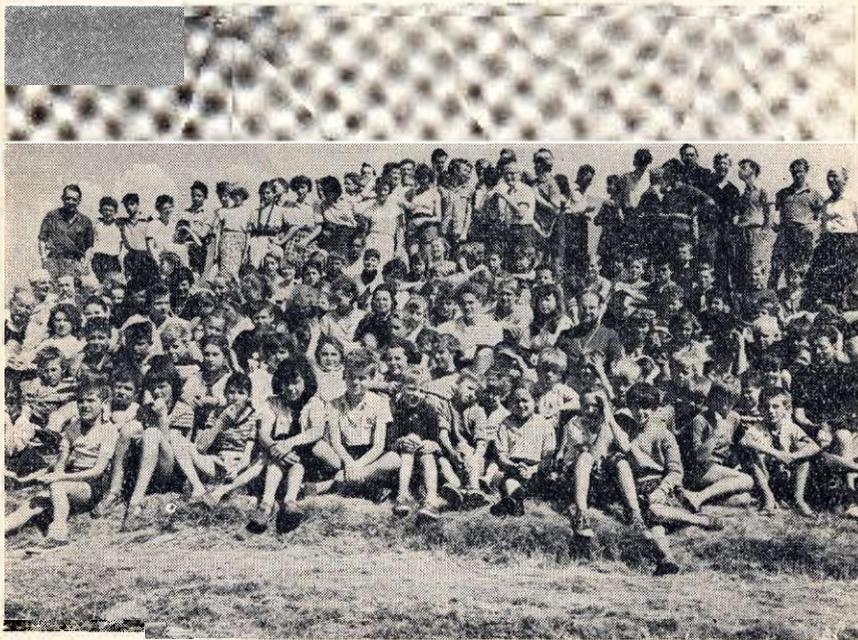
Летний лагерь

Русское Студенческое Христианское Движение устраивает с 15-го июля по 30-е августа 1956 г.

ЛЕТНИЙ ЛАГЕРЬ В АЛЬПАХ.

Адрес лагеря:

Saint Theoffrey, par Laffrey (Isère), France.

Общая группа участников Летнего Лагерь Р.С.Х.Д. в 1955 г.

В лагере имеются: Юношеский отдел (для детей и молодежи от 7-ми до 18 лет), Студенческий отдел.

Справки и запись 1) в Париже, у И. В. Морозова и К. А. Ельчанинова 91, rue Olivier de Serres, Paris 15°;

2) в Ницце, у Н. В. Гейт, 39, boulevard Grosso. Nice (Alpes Maritimes).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1956 ГОД

„ВЕСТНИК“

ПРАВОСЛАВНЫЙ ОРГАН РЕЛИГИОЗНОЙ МЫСЛИ
И ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

XXII-ой год издания.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ВЕСТНИКА»

- Во Франции:** Action Chrétienne des Etudiants Russes, 91, rue Olivier-de-Serres, Paris-15°. С.С.Р. Paris 2441-04.
- в Марокко:** Mme E. Mirkovitch, 36 Derb Abda Kasba, Marrakech, Medina, Maroc.
Обычная подписная плата на год: 500 фр., с целью поддержки — 1000 фр.
- в Америке:** Miss. Olga Seredinsky. 34 Rutledge Ave Trenton. N. J. U.S.A.
- San-Francisco:** Miss. Olga Raevsky, 1866 Green Street, San Francisco 23, Calif. U.S.A.
Обычная подписная плата на год: 2 долл., с целью поддержки — 4 доллара.
- в Англии:** Mrs. Frank-Scorer, 46 Corringham Road, London N. W. 11.
Подписная плата на год: 9 s. 6 d.
- в Австралии:** Polyglot Book Depot Melbourne. P. O. Carrum. Victoria, Australie.
Подписная плата на год: 18 австралийск. шиллинг.
- в Бельгии:** Mme N. Sereda, 99, rue des Wallons, Liège.
Подписная плата на год: 72 бельг. фр.; цена отд. номера 18 бельг. франков.
- в Германии:** Herr A. Beerwald. (14b) Baintd Krs. Ravensburg. Württemberg. Allemagne.
Подписная плата на год: 4 герм. марок.
- в Канаде:** Miss Ludmila Krutchinina. 3925 Ridgeway str Apt. 5. Montreal P. Q. Canada.
- в Финляндии:** Rev. S. Fülín. Mannerheimintie 8, Helsinki.
Подписная плата на год: 400 финляндских марок.
- в Швеции:** Prost, S. Timtchenko. Box. 6093, Stokholm, 6.

Directeur responsable P. A. Struve.

Impr. de Navarre, 11, rue des Cordelières, Paris